

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration of a misty forest. Two warriors in detailed armor are the central focus. The warrior on the left is shown in profile, facing right, wearing a helmet with a prominent crest and holding a sword. The warrior on the right is shown from a three-quarter view, also in profile, wearing a similar helmet and holding a large, round shield. The lighting is dramatic, with a bright light source from the upper right creating a strong glow and casting long shadows. The overall mood is mysterious and epic.

Владимир Мигульский

НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЙ

КНИГА 1

ПРОКЛЯТИЕ БОЛОТ

Шумерия, 5,5 тысяч лет тому назад. В государстве Лагаш идет ожесточенная борьба за власть. Братство Черной Змеи также вынашивает планы захвата Шумерии с помощью колдовства, но для этого надо найти недостающее звено — Амулет, и уничтожить его Хранителя. Первый советник правителя Лагаша, самый вероятный будущий правитель, разгромил армию разбойников, взяв в плен ее предводителя и неизвестного воина-скандинава. Но события принимают неожиданный поворот, и, спасаясь, бывшие враги вместе уходят в обширные и опасные болота.

Введение

Солнечный ветер, призрачный, как и само Время, неустанно гонит над землей туман времен. Прошлое и будущее скрыто под завесой тумана. Лишь узенькая полоска разрыва в нем, именуемая настоящим, доступна наблюдению.

Но ветер — на то он и ветер — вдруг взлохмачивает, взбивает ровную поверхность тумана. И тогда в нем появляются окна, сквозь которые перед беспристрастным взором наблюдателя там, далеко внизу, на земле, с калейдоскопической быстротой меняются картины.

Вот перед ним холмы, леса. Но набежала волна тумана, снова окно в нем — и здесь уже текут реки, по берегам которых раскидываются города. Но опять туман — и уже вокруг только барханы горячего песка, уходящие за горизонт; далее — уже безбрежные океанские волны... С каждой новой волной тумана изменяется и картина перед глазами.

Но ветру тоже нужен отдых, и он иногда стихает. Вместе с ним замирает и всякое движение тумана, давая возможность детально рассмотреть то, над чем в это время остановился разрыв в нем.

Воспользуемся представившейся возможностью и бросим взгляд на мир, открывшийся в одном из окон тумана времён...

Вступление

I.

— А-а-а! — натужный женский крик метался под крышей большого, наполовину закопанного в землю дома.

— Да ты тужься, тужься, вот дурёха! Этак всю ночь рожать будешь!

Ворчливый беззлобный голос не умолкал ни на миг.

— Угораздило же тебя рожать именно сейчас, когда на дворе мороз трещит, а не в приятный летний день!

— Ты что, Гуда, рехнулась, что ли, на старости лет? — засмеялся более молодой голос, — как она может родить летом, если срок подошел зимой? Ты уже скольких детей приняла-то?

— Хвала Фригг¹ (смотри примечания в конце книги), которой я никогда не забываю выделить долю, уже на вторую сотню пошло. И больше половины из них — мальчики.

— Люди говорят, что не к добру это. Когда мальчиков больше, чем девочек, всегда война какая-нибудь приключается.

— Не говори глупости, Рунгерд! Можно подумать, когда было больше девочек, наши мужчины сидели, засунув мечи в ножны? Ничего подобного! Махали ими, как всегда, не больше и не меньше!

— А-а-а! — снова крик прервал разговор.

— Вот раскричалась! Терпи, немного осталось!

— И угораздило же ее оказаться с конунгом Бьерном в охотничьей хижине наедине. Небось, не обошлось без происков Гульвейг², врага всех людей, особенно если они довольно привлекательны, как Сольвейг.

— Скорее, здесь была Фрейя³, чем Гульвейг. Всем известно, что Сольвейг давно положила глаз на Бьерна⁴. Весна всем головы дурит. А медведь — он медведь и есть. Хоть наша община и маленькая, но все же сотни полторы воинов насчитывает, а это немало, а он ее конунг, да и сам по себе человек видный. Его жена с Сольвейг не идет ни в какое сравнение.

— Так это ее первенец? И она решилась рожать, не будучи замужем? Я бы никогда так не сделала! А что же Бьерн?

— А он даже рад. Выгляни наружу, увидишь: стоит, топором над головой крутит, отгоняет злых духов.

И снова женский крик забился по стенам.

— Смотри, уже головка показалась, подхватывай.

— Мальчик!

— Пуговину обрежай!

— А ну мы его по попке!

От легкого шлепка малыш вздохнул и моргнул синими глазками. Но не заплакал.

— Ишь ты, молчит! А ну, еще раз!

После второго шлепка, наконец, маленькое личико сморщилось, и он подал басистый голос.

— Смотри, какого великана родила, как будто он потомок турсов⁵.

— А ты посмотри на Бьерна — чем не великан? Однако, малышка ждет нелегкая жизнь. Отец от него, конечно, не откажется, вырастит вместе с другими сыновьями. Но он незаконнорожденный, и, согласно законам, никогда не сможет стать здесь конунгом.

— Ну что ж, когда вырастет, уйдет из общины, поступит на службу к какому-нибудь другому конунгу и будет в чужой стороне искать свое счастье...

Малыша, уже обмытого и укутанного, положили рядом с измученной, но счастливой матерью, и он сразу же присосался к поднесенной груди.

— Спасибо, — слабым голосом произнесла роженица, — у тебя умелые руки, Гуда⁶. Не зря тебя в свое время так называли. Ты и на самом деле такая.

— Ну что ты, Сольвейг! Я просто знаю, как облегчить страдания, и особо не обращаю внимания на крики таких, как ты.

Гуда, уже пожилая женщина, добродушно засмеялась. Ее морщинистое лицо разгладилось и приняло действительно очень доброе выражение.

— Что ты стоишь, Рунгерд, словно камень на берегу фьорда? Зови счастливого отца, пора ему давать имя малышу.

Стукнула входная дверь, откинулась занавеска, сшитая из оленьих шкур, и в доме появился мужчина возраста лет сорока-сорока пяти, большого роста, в полном боевом снаряжении, раскрасневшийся от мороза. В одной руке он держал круглый раскрашенный щит, в другой боевую секиру с двумя лезвиями, направленными в разные стороны от рукоятки. Вокруг лица на светлых волосах, таких же светлых густых длинных усах и бороде свисали намерзшие сосульки. У входа он сорвал их и бросил в угол.

— Мальчик, — сказала ему повитуха, — ну, чистый турс, такой большой. Добрый воин будет. Имя-то ему какое дашь?

Мужчина склонился над малышом, усердно чмокаяющим над маминой грудью.

— Имя ему будет Альрик⁷.

— Хорошее имя. Оно поможет ему в будущей жизни.

— Он сам будет творить свою судьбу, Альрик из рода Бьерна! Всемогущий из рода Медведя! И да поможет ему Тор⁸! ..

II.

— Тебе уже исполнилось пятнадцать лет, сын, ты стал совершеннолетним. Ты самостоятельно ходишь на охоту, и, надо сказать, охотник из тебя получился хоть куда, не чета некоторым. И двуручным мечом, что могут немногие, и луком владеешь отменно. Но, согласно нашему обычаю, ты должен доказать свою готовность к самостоятельной жизни.

Так говорил, сидя на табуретке, крепкий еще мужчина с седой головой и седыми же бородой и усами юноше, стоящему перед ним. Юноша был высокого роста, головой едва не доставал до потолка, крепкий, жилистый. Если не смотреть на его еще юное лицо, можно было, глядя на фигуру, смело набрасывать еще годков с пяток. Светлые длинные волосы обрамляли правильное лицо. Волевой подбородок с ямкой посередине указывал на твердость характера. Из-под низко надвинутой шапки смотрели живые голубые глаза.

— Чтобы доказать, что ты совершеннолетний, тебе надо будет самому, только с ножом и рогатиной, на глазах у всех убить медведя.

— Я готов, отец, — сильный, уже не мальчишеский, голос звучал твердо и уверенно, — и на медведя я уже ходил, это не ново.

— Ну, вот и хорошо. Завтра спадет мороз, и мы выдвинемся. Торстейн⁹ не зря получил свое прозвище. Он, как волк, по следам нашел берлогу. Иди, готовься.

Юноша кивнул и вышел, впустив в жарко натопленный дом клубы морозного воздуха, а Бьерн еще долго сидел, подпирая голову руками и глядя на пляшущие на дровах языки пламени.

Еще молодая женщина подошла к нему сзади и обняла за шею руками. Он улыбнулся.

— Завтра наш сын докажет, что он совершеннолетний, — через паузу сказал он, — но видишь ли, Сольвейг, хотя мы с тобой и давно вместе, но моя законная жена до сих пор жива, хотя Снотра¹⁰ давно покинула ее, и ее ум бродит вдали где-то по скалам и фьордам. Поэтому я не могу взять тебя в жены. Ты знаешь это.

— Знаю, все в руке Одина¹¹, мы не можем изменить то, что записано в Книге Судеб, — улыбнулась она, — но я не ропщу на судьбу и довольствуюсь тем, что имею. А имею я

немало, именно, тебя.

Он улыбнулся и погладил ее ладонь.

— Я тоже рад, что у меня есть ты. Но наш сын уже большой и сильный. Из него получился бы прекрасный вождь. Но дорогу к власти конунга здесь ему преграждают сразу трое моих законных сыновей. Они все выросли вместе и одинаково дороги мне, но конунгом после меня может стать только один. И этот один — не он.

— Я понимаю это, — вздохнув, сказала она, — он должен будет покинуть наш дом.

— Ты правильно все понимаешь, как всегда. Через десять дней я уезжаю. Собираются конунги для решения вопроса о разделе земель. Там же будет и большое торжище. Приедет и мой двоюродный брат Хьярти. Ему я и поручу дальнейшую заботу о сыне. Хьярти редко сидит на месте. Он любит путешествовать. Как знать, может, где-нибудь и Альрик найдет свою судьбу...

III.

Полсотни мужчин осторожно пробирались по зимнему заснеженному лесу. Казалось, такое количество людей должно было производить много шума, но в лесу царил тишина. Шли опытные воины и охотники, привыкшие скрадывать и врага, и зверя. Одежда большинства из них была сшита из выделанных шкур оленей, у некоторых из шкур морских животных, с отделкой из меха пушных зверей. Почти у всех на головах суконные шапки с меховой подкладкой и наушниками из лисьего меха. Кое у кого они были подвязаны под подбородком. Обувь у всех была из камусов, шкур с ног оленя, не пропускающих воду и прекрасно удерживающих тепло. Вместо стелек в них были засунуты пучки сухой травы.

Идущий впереди поднял руку в рукавице из оленьей шкуры вверх и сделал ею круг над головой. Тут же идущие сзади как волки, след в след, остальные охотники осторожно растянулись вправо и влево от него и замерли. А к проводнику приблизились Бьерн и Альрик.

Торстейн указал рукой вперед.

— Вот она, берлога, — тихо прошептал он.

Но и без него уже все видели в полусотне шагах впереди вывернутую сосну, чьи мощные корни частью висели в воздухе, а частью создавали навес над ямой, в которой медведь устроил зимнюю берлогу. Сверху она была закрыта большой кучей хвороста и засыпана снегом, так что медведю было достаточно тепло. Через небольшое боковое отверстие в хворосте выходил пар.

Юноша вопросительно взглянул на отца, тот одобрительно кивнул головой и поднял руку, сжатую в кулак, вверх. Стоявшие полукругом люди выставили вперед рогатины..

Альрик, осторожно ступая, пошел по направлению к берлоге, сжимая рогатину. За поясом у него был заткнут длинный нож. Десятки глаз, не отрываясь, следили за ним. Вот он уже в нескольких шагах от берлоги...

Внезапно хворост с ее крыши от мощного удара изнутри полетел во все стороны, а из берлоги стремительно выскочил огромный черный зверь. Обыкновенного лесного медведя думали поднять из берлоги, а подняли редкого зверя — лютого, почти в два раза превосходящего размерами лесного, черного медведя.

Люди ахнули — все, пропал парень! Никто не ожидал здесь встретить такую громадину, и помочь юноше уже не было возможности.

— Назад! — закричал Бьерн, понимая, что спасения все равно не будет, — беги!

Медведь в двух шагах от парня поднялся во весь рост, как все медведи делают это перед нападением, похожий на гору, раза в полтора превышая ростом человека. Альрик неподвижно, опустив руки, стоял перед ним; рогатина, выпавшая из рук, лежала на земле.

— Все... — сказал кто-то рядом с Бьерном.

Медведь поднял кверху лапы и обрушился на человека. Но в самый последний момент Альрик стремительно проскочил у него под левой лапой, отбежал на полдесятка шагов и остановился, повернувшись лицом к медведю. Тот взревел, но вдруг упал, судорога пробежала по его телу, и он застыл. Альрик спокойно стоял и смотрел, как люди бежали к нему.

— Ты жив, не ранен? — встревожено спрашивал Бьерн, ощупывая и осматривая его.

— Нет, все нормально, — ответил Альрик.

В это время раздались восторженные вопли людей, уже столпившихся у лежащего медведя. Бьерн, не выпуская руки Альрика, протолкнулся вперед. Большой зверь с густым черным мехом лежал, оскалив зубастую пасть и раскинув лапы с огромными страшными когтями, а из его бока, прямо напротив сердца, из шерсти торчал нож, загнанный сильным ударом по самую рукоятку...

Через десять дней большой обоз, нагруженный всякими товарами, которые могли быть проданы или обменены на другие, тронулся в путь из деревни Бьерна. В числе его сопровождающих на коне ехал голубоглазый светловолосый воин высокого роста с юношеским пушком на щеках и с огромным двуручным мечом за спиной. На груди его висело ожерелье из огромных медвежьих когтей.

Позади у него была земля скал и фьордов. Впереди — весь мир.

Прошло еще пятнадцать долгих зим — мгновение в тумане времен...

1.

Благословенна земля Шумера. Плодородна и полноводна она. Обширные древние леса шумят на ее просторах, поля дают по три урожая за год. С тех пор, как в столице Лагаша, одного из государств шумерской земли, Урукуге, священном городе, правителем, по-местному, энси, стал [битая ссылка] Энаннатум, прекратились войны с соседними странами. Его старшему брату Эанатуму, правившему до него, в кровопролитных сражениях удалось подчинить себе соседние города Ур, Адаб, разгромить эламитов и завоевать извечного врага — Умму, костью в горле стоявшего на торговом пути в центральные густонаселенные районы Междуречья. Сотни провинций, или номов, объединил под своей рукой нынешний энси. Присмирели аккадцы и северные шумеры, и только обитающие за обширными болотами далеко на западе племена кутиев, время от времени собираясь в один кулак и, прекращая враждовать друг с другом, своими набегами проверяли страну на прочность. И жрецы верховного божества лагашцев Нин-Нгирсу не помышляют о вмешательстве в дела земных правителей. Еще старший брат энси с помощью «бессмертных» объяснил им, что жрецам хватит общения с богами небесными и не стоит пытаться влиять на дела мирской суеты. Урок был еще слишком свеж. Боги бессмертны, а жрецы терпеливы. И выждать им своего часа еще ох как долго... Однако срок земной жизни Энаннатума подходил к концу, и он все чаще задумывался о преемнике...

...Сражение затихало. В невысокой степной траве, пожухлой от нестерпимого зноя, который уже день щедро изливаемого на землю лучезарным оком верховного божества Нин-Нгирсу, то тут, то там в разных позах разбросаны тела тех, кому не суждено больше видеть дневное светило. Особенно густо их навалено было у невысокого пригорка, там, где разбойники встретили первый вал лагашской конницы. Как будто гигантская коса одним движением расплосовала сражающихся — рядами, а часто и пластами, вповалку друг на друге, вперемешку с убитыми лошадьми лежали еще сжимающие мечи и кистени разбойники и солдаты.

Еще утром «вольная армия» Гардиса, как он называл свою разбойничью ватагу, устроила засаду, надеясь на богатую добычу. Четыре дня назад подкупленный содержатель таверны донес о большом караване, добирающемся в соседний Ниппур. Еще через два дня примчались четверо членов шайки, отправленные ранее в близлежащий город Ларсу сбывать захваченных в набегах лошадей. Захлебываясь от восторга, они живописали про богатство прибывшего каравана, о том, что везет он необычайно редкие и дорогие дары раджи далекой Индии ниппурскому правителю. Караванщики, обычно крайне сдержанные и молчаливые, в преддверии окончания тяжелого пути расслабились под обильные возлияния добротного вина, как нигде умело изготавливаемого в Гирсане, основной статьи гирсанского экспорта в другие города, и дали волю языку. Через день после их прибытия в Ларсу, новую резиденцию номарха Кириониса, правителя нома, расположенную недалеко от границы с Ниппуром, совсем еще новый город, с иголочки, продолжающий бурную застройку, и стар, и млад в нем только и говорили о караване и о его грузе.

Досужие языки поговаривали, что оба правителя то ли находятся в какой-то отдаленной родственной связи, то ли направленный год назад ниппурский посол умудрился оказать индийскому радже какую-то важную услугу. Никто ничего толком не знал, но все сходились в одном — индийский караван чрезвычайно велик и богат. Охрана его достаточно велика числом и надежна. В десятках двухколесных повозок, влекомых лошадьми и чудными горбатыми медленно ступающими верблюдами, под накинутыми сверху покрывалами угадывались многочисленные тюки с товарами. В двух-трех повозках покрывала съехали в сторону, из тюков выглядывали ткани чудеснейших расцветок. Местным модницам оставалось только щелкать языками и завидовать черной завистью дамам ниппурского царского двора, что, впрочем, они и делали. Из какого-то тюка наполовину высовывался большой кувшиноподобный сосуд из чистого золота, покрытый тончайшей резьбой. Караванщики ввиду большой загруженности, видимо, не успевали закрывать товары от постороннего взгляда.

Караван разместился сразу в четырех рядом стоящих огромных постоялых дворах. Охрана его бдительно следила, чтобы посторонние не подходили близко к повозкам. Но вездесущие мальчишки все-таки ухитрились пробираться поближе и жадно внимали охранникам, рассказывающим друг другу такие дорожные приключения, от которых мальчишечьи сердца сжимались от смеси ужаса и восхищения. Мальчишечьи рассказы дополняли таинственно-сказочный ореол, сложившийся вокруг богатства каравана. На большой отдых в городе перед последними переходами до столицы соседнего государства караванщики отвели четыре дня.

3.

По крайней мере три из этих четырех дней затратил Гардис на подготовку к нападению.

Ранее он был приемным сыном небогатого торговца домашней утварью Шиней. Выше среднего роста, с развитыми мышцами, Гардис был очень силен. Мог запросто сломать толстый деревянный брус или скатать в трубку тарелку, сделанную из серебра. Многие девушки находили его даже привлекательным: темные, почти черные глаза, нос с небольшой горбинкой; резко очерченный подбородок с ямкой посередине придавал его немного вытянутому лицу выражение какой-то затаенной внутренней силы. Волосы, как ни странно, были прямыми и длинными, почти белыми со странным голубоватым отливом, не встречающимся нигде в этой местности. Обычно он захватывал их пучком на затылке. От левой брови вверх лоб пересекал шрам, похожий на заживший след удара мечом. Шрам этот уже был, когда младенца Гардиса впервые узрел народ, и все долго недоумевали — у кого это рука поднялась ударить мечом неповинное дитя?

Знания об окружающем мире Гардис впитывал, как губка воду. Вопросы, задаваемые им еще в отроческом возрасте приемному отцу, нередко ставили того в тупик. Он рано и как-то мимоходом научился читать и даже писать сложные шумерские знаки, специально не обучаясь этому. И было в нем что-то неуловимое, настолько выделяющее его из общей массы, что даже мальчишки года на три старше признавали его вожаком ребячьих игр.

Когда ему минуло полтора десятка зим, это был уже крепкий высокий парень. Уже в этом возрасте не раз предлагали ему стать то стражником, то завербоваться в охрану какого-нибудь каравана. Все получали неизменный отказ. Как будто что-то командовало Гардису свыше — не спеши, твой час еще не пробил. Не известно было, кто его родители и откуда он родом.

Скоро исполнится тридцать зим с той поры, когда несколько повозок выехали из одной из деревень в далекой стране Наири в направлении соседнего города Тушпы, где через пару дней должна была открыться ярмарка, на которую съезжались окрестные жители. На возах был обычный предлагаемый к продаже крестьянами груз: вырезанные из дерева ложки и тарелки соседствовали с небольшими бочонками пчелиного меда; тут же располагались завернутые в чистую тряпицу, укрытые сверху от пыли рогожей пласты просоленного, щедро посыпанного специями сала, далеко распространявшие такой вкусный аромат, что у всякого уже даже на расстоянии десятка, а то и двух десятков шагов начиналось обильное слюноотечение; рядом также укрытые засоленные выветренные свиные окорки, навалом ручки для лопат, топорща. Кое-где за повозками на привязи неторопливо шествовали коровы и овцы. В иных телегах в клетках или просто со связанными ногами куры выкрикивали ругательства на своем курином языке, подпрыгнув вместе с телегой, когда колесо попадало на очередной ухаб. Тогда к их нестройному хору добавлялся хор визгливых женских голосов, ругающих мужей за неумение управлять лошадью. Мужья начинали отвечать, что, право, было бы лучше, да и лошадям было бы легче тянуть возы по проклятой добитой дороге, если бы их дражайшие половины слезли с телег и немного прошлись пешочком. Женский хор усиливался — вот ваше отношение, вы нас не жалеете, мало того, что мы работаем на вас и днем, и ночью, так вы хотите, чтобы мы впрягались вместо лошадей, скотину им, видите ли, жалко, а нас нет! Мужики крякали, крутили головами: баба есть баба, что с нее возьмешь? Известное дело — волос длинный, а ум короткий. Женский хор, не встречая сопротивления, потихоньку замолкал — до следующего ухаба.

На одной из телег добрались до ярмарки и товары Шиней, проживающего в то время в этих местах. Был он неженат, не сторонился соседей, особо не напивался даже по праздникам. В общем, по деревенским понятиям был довольно положительным человеком. Вот с женитьбой ему не повезло. Почему-то попадались или сплошь вертихвостки, или стервы, пьющие из него кровь по поводу и без повода. К тому моменту женился и разводился Шиней уже трижды. Каждый раз до свадьбы будущие жены и их домочадцы буквально стелились перед будущим зятем, имеющим и собственный дом, и довольно крепкое хозяйство, но как только брак бывал заключен, отношение моментально менялось на противоположное — каждый вновь испеченный родственник вкупе с новой женой стремился урвать от его хозяйства как можно больше, а его загнать в гроб как можно раньше. Соседи, глядя на это, жалели Шиней — хороший мужик, а смотри ты, как не везет с женами. В дальнейшем не раз пытались они сосватать ему какую-нибудь молодницу, но все попытки разбивались об упорно не желающего больше связывать себя брачными узами Шиней. Он, досыта наевшись предыдущих браков, больше не хотел даже слушать о женитьбе и уже зим десять жил в одиночестве. К его сорока зимам у Шиней ни от одной из бывших жен детей не было. Видимо поэтому он одаривал соседскую ребятню сладостями, мог покатать на коне, вырезал им из дерева всякие игрушки.

Дорога по большей части шла лесом, да и дорогой ее можно было назвать с большой натяжкой — когда-то была просто звериная тропа, затем прошли по ней охотники и через несколько дней пути наткнулись на лесную полянку, на которой весело журчал ручей, пропадающий далее где-то в лесной чаще. Еще через некоторое время, петляя и кое-где прорубая путь, сюда добрались первые телеги с будущими новоселами — целью была постройка обслуживаемой охотничьей заимки для правителя близлежащего города, страстного любителя охоты, которую втайне затеял его казначей, чтобы подарить на ближайший день рождения. Через некоторое время казначей, нечистый на руку, крупно попался на очередной махинации с принадлежавшими городу земельными участками, и его голова, выставленная на шесте на площади у дворца правителя города, некоторое время служила напоминанием новому казначею о бренности всего земного и о вреде чрезмерного запуска руки в карман своего хозяина.

А созданная деревня осталась, хоть и без охотничьей заимки — не успели построить. Да и не успел узнать о заимке городской правитель. Дорога к деревне прошла сама собой по путям первых переселенцев. Почти половина пути до Тушпы, до выхода на большой укатанный тракт, проходила по этой лесной трясухой дороге.

Когда на одном особенно большом ухабе, уже практически перед самым трактом, повозка Шиней в очередной раз подпрыгнула и при этом раздался сильный треск, это ни у кого не вызвало особых эмоций. Хвала Нин-Нгирсу, за день ужасной дороги это первая поломка, не сулившая к тому же особых неприятностей — просто лопнула оглобля. Лес — вот он, топор в руки, и через короткое время будет новая оглобля, краше прежней.

Отдельные лучи солнца, хотя и с трудом, но все же пробивались сквозь высоко расположенные кроны разнообразных деревьев, весело играя на капельках недавно брызнувшего легкого дождика, освежившего воздух сухого леса. Перед этим почти полную луну уже не было ни одного дождя, и природа изнемогала от засухи. Появление большой тучи было радостно встречено людьми, хотя это и сулило им в самое ближайшее время быть вымоченными до нитки. Дождь, против ожидания, оказался небольшим и теплым.

Шиней, взяв топор, направился искать нужное дерево. Под ногами трещали сухие ветки.

Птичий гомон, стихший было при приближении грозной на вид, но оказавшейся миролюбивой на самом деле тучи, возобновился с прежней силой. Стройная нужной длины сосенка нашлась почти сразу. Три удара топора — и она, соскочив отрубленным концом с пенька и упершись им в землю, зацепилась ветвями за близстоящие деревья, сойдясь с ними в прощальном объятии. Уцепившись за обрубленный конец, Шиней приподнял его и потянул дерево на себя. Ветки разомкнулись и сосенка плашмя с шумом рухнула на землю. Шиней примерился и, прикинув нужную длину, взмахнул топором, чтобы отсечь лишнюю верхушку. И вдруг до его уха донесся какой-то тоненький писк. Он замер с поднятым топором. Писк повторился. Не выпуская топор из рук, Шиней сделал по направлению писка десятков шагов и пригляделся. Звук шел из-под корней вывороченной ели, нависавших над образовавшейся ямой, укрытой дополнительно сверху толстым слоем лапника. Шиней отбросил лапник в сторону. На дне ямы стояла продолговатая корзинка, обвязанная сверху полотенцем. Когда, не веря себе, ошеломленный Шиней затрясшимися вдруг пальцами сумел развязать и отбросить полотенце, его взору открылся спеленатый, не более половины оборота луны от рождения, ребенок, лежащий на маленькой подушке. Плакать он уже не мог, и только иногда слабо попискивал.

Через несколько мгновений Шиней, держащего в охапке корзинку с находкой, окружила толпа галдящих людей, еще через мгновение корзинку с него отобрала решительно настроенная и знающая что делать женская половина обоза. Ребенок был немедленно обмыт и завернут снова в неведомо откуда взявшиеся чистые пеленки. Сразу нашлась и кормилица, без всякого стеснения обнажившая одну из больших грудей и поднесшая к ней маленький комочек, который тут же зачмокал губками и присосался к ней. Собравшиеся вокруг люди смотрели на это, затаив дыхание. В других условиях обнажившая при всем народе грудь женщина стала бы объектом всеобщего презрения, даже прожженные девицы легкого поведения не решались это делать принародно. Но ни у кого из собравшихся вокруг людей даже мысли не возникло о безнравственности происходящего. Наоборот, перед ними происходил священный акт спасения невинного младенца от неминуемой гибели. Каждый был готов что-нибудь сделать для него.

Никаких приложенных записок, никаких вышивок ни на пеленке, ни на подушечке не было. Единственное, что нашлось на дне корзинки — небольшое, с полпальца, изображение причудливо изгибающейся змейки. Разговоров о случившемся хватило надолго. Люди гадали, что могло случиться, но понять ничего не могли. Как могла оказаться корзинка в глухом лесу, вдали от хоженных дорог? Кто ее оставил и почему обрек ребенка на неминуемую гибель? Все вопросы в конце концов остались без ответа. С течением времени другие дела отвлекли людей и происшедшее было потихоньку предано забвению.

Шиней никому не отдал найденныша и при всеобщем молчаливом одобрении сам занялся воспитанием Гардиса, как он его назвал, изливая на него нерастроченные доселе отцовские чувства. Безделушку-змейку, найденную в корзинке, он повесил на тоненьком ремешке, продев ее через дырочки ее ноздрей, на шейку ребенку, справедливо рассудив, что эта игрушка принадлежит именно ему и по этой причине продаже не подлежит.

Еще через две зимы страшный лесной пожар уничтожил деревню. Шиней, пролежавший с маленьким сыном на руках по шею в ручье, закрываясь от летевших со всех сторон огненных жгутов одеялом, которое он непрерывно поливал водой, оказался среди уцелевших. Оставшиеся в живых погорельцы, собрав немногое уцелевшее добро, разбрелись кто куда.

Потеряв все свое имущество, Шиней подался на другой конец Наيري. и осел в столице,

городе Сугунии. Руки у него были мастеровые, на всевозможных стройках зарабатывал неплохо, и, в конце концов, сколотив необходимый капитал, он открыл собственное дело — стал мелким торговцем. Торговые дела изредка уводили его из страны, с торговыми караванами он как-то добрался даже до моря, лежащего далеко на юге. А когда в Лагаше начала бурно застраиваться Ларса и караваны со всевозможными товарами повалили в ее сторону, он, решившись окончательно осесть в Лагаше и там встретить старость, переехал в этот город.

Торговля здесь пошла веселее, хотя и не принося большие деньги, но позволяя ему с приемным сыном более-менее сводить концы с концами — оплачивать съемное жилье и услуги домработницы, одеваться и питаться в дешевых тавернах.

Вместе с приемным отцом возмужавший Гардис разъезжал по окрестным деревням, предлагая дешевые чашки, ножи, топоры, ткани и прочую нужную в хозяйстве мелочь. Двадцать пятую зиму разменял уже Гардис, когда в одну из таких поездок на них напала небольшая банда из полутора десятков человек. Шиней, схватившегося было за меч, зарубили сразу. Гардис, защищаясь, вырвал из креплений оглоблю, окованную с обеих сторон, и ею быстро перебил половину нападавшей шайки. Ужаснувшись потерям, поразмыслив, что такого бойца надо срочно привлекать на свою сторону, главарь, приказав разбойникам отступить, вступил с ним в переговоры.

После гибели приемного отца возвращаться тому было некуда и терять нечего. Уже вечером следующего дня Гардис, похоронив Шиней, вместе с новыми товарищами пил дешевое пойло, называемое высокопарно его поставщиком, содержателем небольшой таверны и по совместительству скупщиком награбленного, «вином вождей». Продавал, естественно, втридорога, а покупал втридешево, но какой торговец не будет блюсти собственную выгоду? А так как обычно грабилось легко и чужое, его грабителям было не жаль. Сегодня дешево отдали? Ну и что ж! Завтра нагребим в три раза больше и, соответственно, выручим в три раза больше!

Гардис быстро вошел в курс дела, немного поразмыслил, и через две луны главарь шайки случайно оступился и при падении сломал себе шею, одновременно напорвшись на собственный кинжал. Пьяный был, с кем не бывает? Никого особенно не заинтересовало, как это он умудрился со сломанной шеей дважды попасть себе ножом прямо в сердце. Решили, что падая, он перекатывался, каждый раз напарываясь на кинжал. Тут же, у вечернего костра, выбрали нового атамана. Как никто другой на эту роль подходил именно Гардис — ну кто мог составить ему конкуренцию из менее чем десятка пьяниц? Тем более, что на его стороне были два самых сильных бойца шайки — два брата-близнеца Ридон и Над, прикормленные Гардисом и за прошедшее время ставшие абсолютно преданными ему, как две цепные собаки, готовые на все за хозяина. Правда, объявился и соперник на вакантное место главаря — самолюбивый, считающий себя умнее и выше всех других, из-за чего постоянно с кем-нибудь находившийся в конфликте, разбойник по кличке Жога, заработанной им из-за обширного ожога, полученного много лет назад. Тогда, нагрузившись местным паленым крепчайшим с ног сшибающим настоем, он полез во двор к одной вдовушке, желая дать ей утешение, и, не встретив взаимности, получил от нее поленом по голове. Не удержавшись на ногах, отвергнутый ухажер сел прямо в разложенный костер, на котором кипятилась вода для стирки. Промасленные, давно не стираные штаны его вспыхнули, как свеча. Жога с воплями попытался вскочить и тут же опрокинул на себя котел кипятка... Многочисленные ожоги от огня и кипятка со временем зарубцевались и по

большей части проши, но кличка намертво пристала к неудачливому Жоге. Он единственный попытался составить конкуренцию, а когда ничего из этого не получилось, во всеуслышание объявил, что «чихать он хотел на всяких атаманов», и что никто ему не указ.

Гардис не собирался долго готовиться к дальнейшему. План действий был уже готов. Уже через день в шайке были заведены новые порядки. Никаких пьянок и продажных женщин, по крайней мере, на первое время. Абсолютное послушание новому атаману — закон. Попытавшийся было возразить Жога послужил примером того, что будет с ослушником. Тем более, что именно Жога в свое время нанес роковой удар приемному отцу Гардиса. Нетолстую осинку двое братьев гладко обрубали топором, заострили. Гардис приказал присутствовать всем членам шайки. Братья выволокли связанного, ничего не понимающего, с завязанным ртом Жогу и насадили его на кол. Кол подняли и вкопали в подготовленную яму. Члены шайки моментально протрезвели, глядя на мучительно дергающееся на колу мычащее тело. Бежать им было некуда. В случае поимки их на любой дороге стражниками они стали бы таким же, как то, что они видели сейчас, украшением местного пейзажа. Это все прекрасно знали и понимали.

После показательной казни власть Гардиса утвердилась окончательно и бесповоротно. По его указке уже со следующего дня находившийся в шайке бывший солдат начал обучать всех правильному владению оружием. Еще через пол-луны шайка напала не на мелкого торговца, как это было раньше, а на отставшую часть небольшого торгового каравана. Не потеряв никого из своих людей, они захватили столько добычи, сколько брали не менее чем за три оборота луны в прошлые времена. Авторитет Гардиса рос не по дням, а по часам. Через зиму в шайке, в которой поддерживалась его непререкаемая власть, было уже более сотни не просто бандитов, а вполне подготовленных к ведению боя жестоких головорезов. Проведение занятий по улучшению боевого мастерства было обязательным. Всякое нарушение дисциплины каралось немедленно, и в основном смертной казнью.

Но он также понимал, что надо давать отдушину своим людям, и время от времени целые отряды продажных женщин и торговцев появлялись на специально для этой цели выбранном месте стоянки разбойников. Несколько дней шел торг всем, что было у членов шайки. Покупались услуги женщин, тратилось награбленное золото на украшения для них. Рекой лилось вино. Оргии не прекращались ни днем, ни ночью. Через несколько дней, «спустив пар», шайка исчезала, чтобы через пару лун все повторить вновь.

Сначала в окрестных городках, затем в более отдаленных у Гардиса появилась сеть оплачиваемых награбленным добром соглядатаев, сообщавших ему не только о движении торговых караванов, но и о передвижении войск энци — вожак разбойников прекрасно понимал, что рано или поздно за его отрядом начнется охота, и собирался противостоять этому более хитростью, чем силой.

Первое время Гардис, опасаясь нападения карательных отрядов, регулярно менял место нахождения шайки. Никогда он не нападал вблизи своего логова и всегда старался разнообразить места нападений, чтобы нельзя было раскрыть место стоянки разбойников. Бдительность и еще раз бдительность — было его девизом. Конечно, за ним охотились, но благодаря, в первую очередь, своим соглядатаям, на оплату которых он никогда не скупился, во вторую очередь, своему природному чутью, и, наконец, в третью очередь, налаженной жесткой дисциплине, он всегда опережал и уходил от направленного удара.

Нападения разбойников участились. Теперь атакам стали подвергаться уже и достаточно крупные караваны. И охота на него перешла на более высокий уровень — уже не мелкие

отряды солдат, подчиняющиеся местным чиновникам, вели розыск, а крупные отряды войск правителя, подчиняющиеся номарху, шныряли в его поисках. Но Гардис уже почти ничего не боялся — к этому времени в его шайке, его «вольной армии», было уже полтысячи человек. А это — сила, с которой надо считаться.

4.

За день до выхода каравана из Ларсы «армия» Гардиса увеличилась почти в два раза за счет присоединившихся мелких разбойничьих групп. Слухи о караване распространились чрезвычайно быстро, о намерениях Гардиса взять караван — еще быстрее. Мелкие разбойничьи группы понимали, что напасть на караван им самим не по силам, а с Гардисом, с его «вольной армией», они смогут хорошо поживиться при его грабеже. Со всеми присоединившимися группами Гардис заключил соглашение — половина от их добычи отходит его армии, половина — им. Согласились все, ибо ожидаемая добыча сулила перекрыть все мыслимые и немыслимые пределы.

Местность идеально подходила для нападения. Степь была пронизана заросшими травой балками, в которых могли бы укрыться целые армии. Под утро дня выхода каравана разросшаяся армия Гардиса целиком укрылась в длинной глубокой балке, за невысоким пригорком, мимо которого проходила караванная дорога. По расчетам, караван должен подойти к этому месту в середине дня. Содержатель одной городской таверны, по совместительству оптовый скупщик награбленного, должен был сам проследить и сообщить о его движении.

Почти тысяча человек с нетерпением поглядывали в сторону атамана. Все разбойники его «вольной армии» были при конях, вооружены кто прямым деревянным обоюдоострым мечом с бронзовыми вставками, которым можно было не только рубить, но и колоть, кто кривой саблей, оставляющей страшные раны. Многие имели луки с притороченными к седлам колчанами стрел. У многих на головах разномастные шлемы. Кое у кого были кожаные кольчуги. У присоединившихся разбойников конных почти не было, да и оружие у них было победнее — часто просто обломок серпа привязан к древку, да большой нож заткнут за пояс. Ждали сигнал. Солнце уже начало было клониться к горизонту, когда на пригорок поднялась отара овец и пастух взмахнул посохом, давая сигнал о том, что караван находится поблизости.

Еще никогда армия Гардиса не была так велика, но еще никогда щемящее чувство тревоги, тисками сжимающее его, не было так сильно. Он не мог понять, в чем ее причина. Отменить нападение на караван было невозможно — Гардис знал это. Его бы не понял и не поддержал ни один член его разросшейся армии. Гардис все еще медлил, пытаясь определить причину своей тревоги, когда чабан, вторично подав сигнал, скрылся за пригорком. Глухой ропот поднялся среди разбойников. Он усиливался с каждым биением сердца, пока не перешел в крик.

— Веди нас! — кричала ближайšie из них, — что ты медлишь?!

Оставалось отдаться на волю провидения.

Крик недовольства исторгался уже всей тысячей глоток, когда Гардис, решившись не слушать больше внутренний голос, взмахнул мечом, подавая сигнал к нападению. Конная масса с места в карьер вырвалась из балки, охватывая пригорок с обеих сторон. Пешие, легко взбежав на него, устремились вниз на находившийся прямо перед ними, менее чем в полете

стрелы, караван. С диким потрясающим воздухом криком мчалась мешанина пеших и конных людей вперед. Золото, кучи золота стояли перед глазами каждого. Ради желтого металла любой мог сейчас зарезать собственных отца и мать, попадись они на пути к вождленному источнику обогащения. Гардис в сопровождении своих неизменных телохранителей, Ридона и Нада, пропустив свою «вольную армию» вперед, направился вслед за нею.

Караванная тропа была вовсе не тропой в обычном ее понимании. В этих местах это был участок степи, настолько широкий, что караваны обычно преодолевали его в два-три параллельных рукава, сжимаясь таким образом для безопасности. С компактно идущим караваном куда легче управиться его охране, чем с растянувшимся на несколько полетов стрелы.

Этот караван двигался в три рукава и был действительно огромным. Спереди и сзади двигалась конная охрана, которая, завидев несущуюся на нее вопящую вооруженную толпу, рванула в степь. Неудивительно, отметил про себя Гардис: нападавшие числом были существенно больше, и отбиваться в этих условиях было смерти подобно. Следом за ними, обрезав постромки, улепетывали возницы с повозок и сами караванщики. Это было даже лучше, чем рассчитывал Гардис — он ожидал встретить серьезное сопротивление. Но и в то же время очень странно — ни одной попытки сопротивления. Но на раздумья времени уже не было.

В следующие мгновения алчущая толпа накрыла то, что раньше было караваном. Отпихивая друг друга, разбойники рвали привязные ремни. Кое-где вспыхивали потасовки из-за особенно высоко нагруженных повозок. Замелькали ножи, разрезая тюки с товаром. Вот уже вскрыты первые из них. И еще, и еще...

— Здесь то же самое! — раздались крики, — и здесь тоже!

Выкрики перекатились из конца в конец разграбляемого каравана. В недоумении люди остановились. Постепенно все умолкли. Наступила зловещая тишина, лишь изредка прерываемая всхрапыванием чьей-либо лошади.

— Что такое? — спросил Гардис, приблизившись к повозкам.

— Взгляни сам, — зло бросил кто-то из толпы.

Разбойники медленно расступились, и взору Гардиса открылись вспоротые толстенные тюки. Вот только заполнены они были не индийским золотом, а... соломой!

Пораженный Гардис, подъехав ближе, потянул за угол ткани, выглядывающей из приоткрытого тюка. В его руке оказался лоскут пестрой дорогой ткани, размером с две ладони, не больше. И еще несколько таких же лоскутков оказались в его руке. А дальше в тюке — все та же солома, набитая под завязку, И так — везде, по всем ближайшим повозкам!

Гардис недоуменно двигался от повозки к повозке, разглядывая вспоротые тюки с соломой, провожаемый взглядами своего войска.

— Где наше золото? Ты обманул нас! — в полной тишине проревел чей-то голос. Все сначала глухо, затем все яростней закричали. Гнев застилал глаза обманутых в своих ожиданиях разбойников. Кто-то должен был ответить за случившееся, и толпа, распаляясь, выискивала жертву.

5.

Никто не услышал свист, нарастающий сверху сзади. А когда кто-то из разбойников в это время случайно оглянулся и пронзительно закричал, было поздно. Десятки стрел уже

нашли свою цель, и уйти от них не было никакой возможности.

За первым роем стрел сразу же последовал еще один, и еще. Скрываясь за пригорком, совсем недавно дающим прикрытие разбойникам, воспользовавшись эффектом неожиданности, не видя цели, но при этом не менее результативно, чем при прицельной стрельбе, стрелу за стрелой из огромных, в рост человека, дальнобойных луков выпускали лагашские лучники. В точности повторяя маршрут нападавших разбойников, из-за пригорка вынеслись стройные ряды закованных в латы с бронзовыми накладками «бессмертных», элиты армии, личной гвардии энси, которых в дальнейшем для упрощения будем называть гвардейцами, и с ходу врубались в разбойничью толпу.

«Бессмертными» прозвали их потому, что всегда точное количество было их, ровно десять тысяч. В случае гибели кого-нибудь его тут же заменяли, и число гвардейцев поэтому никогда не менялось, оставаясь постоянным, «бессмертным». Вооружены они были бронзовыми мечами, и бронзовым же щитом прикрывались в бою.

Неорганизованные присоединившиеся к армии Гардиса отряды разбойников, придя к себе, брызнули в разные стороны. Но поздно. Со всех сторон отряды гвардейцев, выкатываясь из близлежащих балок, где спрятались раньше, чем Гардис поставил в засаду свое войско, уже неслись навстречу.

Более-менее организованное сопротивление нападавшим смогла оказать лишь малая часть разбойников, бывшая когда-то непосредственной «вольной армией» Гардиса. Управление разбойниками было потеряно им в самом начале сражения. Слишком неожиданно было нападение. Однако лагашским гвардейцам все же пришлось хорошо потрудиться, чтобы уничтожить небольшие разрозненные отчаянно сопротивляющиеся отряды. Но их прекрасная выучка и лучшее вооружение в сочетании с эффектом неожиданности и наличием лучников решили исход сражения.

Пленных не брали, да и зачем они были нужны — чтобы завтра повесить? Какой смысл в отложенном убийстве? Да и хлопоты лишние ни к чему — ведь пленных надо как-то довести до городской тюрьмы, охранять при этом в дороге, чтобы не разбежались, кормить в конце концов, чтобы не подошли раньше времени. В общем, команда «бессмертным» была дана такая: захватить только главаря. Уж его-то надо было вздернуть принародно, для острастки.

Два всадника не спеша продвигались по полю боя. Спину их оберегал десяток телохранителей.

Бронзовый шлем тонкой работы с нанесенными украшениями и большим плюмажем из перьев неведомых разноцветных птиц, прочный панцирь, украшенный чеканкой и вставками из драгоценных камней, меч с искусно сделанной рукояткой также со вставками драгоценных камней красного и зеленого цвета в богато украшенных ножнах были на одном из них. Яркая-алая плащ-накидка с вышивкой свободно ниспадала с плеч за спиной. Вооружение второго было лишено праздных изысков, лишь кое-где на шлеме и панцире нанесена вызолоченная чеканка, да рукоятка меча заканчивалась огромным драгоценным камнем синего цвета. Поговаривали, что камень этот найден в развалинах древнего храма, и что именно благодаря колдовской силе камня обладатель его до сих пор не потерпел ни одного поражения в многочисленных сражениях. Первый был Орагур, хранитель печати, первый советник правителя, получивший от него высокий титул Советника, второй — Пиригон, командующий лагашских «бессмертных». Имя его свидетельствовало об его ассирийских предках. Они ехали молча, приостанавливаясь у особенно больших

нагромождений тел.

— Боги войны пировали сегодня на поле боя, и печальные равнины бога Нин-Нгирсу приняли множество новых душ, — произнес советник, озирая окрестности и сдерживая слишком резвого коня.

Командующий согласно кивнул в ответ, видя среди лежащих на земле и знакомые ему лица гвардейцев.

Еще солнце не успело подернуться вечерней дымкой, когда по всем направлениям битва затихла. Раздался сигнал трубы, собирая гвардейцев. Все очаги сопротивления были подавлены. Кроме одного.

У большого замшелого валуна, неведомыми путями оказавшегося в степи, торчащего из земли на два человеческих роста, еще кипел бой. Многие из гвардейцев уже лежали на выжженной солнцем траве перед камнем без движения, обратив холодеющие глаза к бездонному ясному небу. Здесь же лежали убитые лошади. В центре, прижимаясь спиной к камню, без усталости отмахивались мечами от нападающих гвардейцев три человека — сам Гардис и его неразлучные телохранители Ридон и Над. Чуть поодаль от них, опираясь на огромный двуручный меч, неподвижно стоял человек гигантского роста в вычерненных доспехах. К нему уже никто не решался подступить. Осмелившиеся находились здесь же, разрубленные от плеча почти до пояса.

Орагур и Пиригон переглянулись. К ним подъехал начальник сотни и, не ожидая вопросов, доложил, что гигант уже находился у камня, когда его сотня сюда же загнала разбойничьего атамана, исполняя приказ взять живым.

— Десятник Энкале всегда хотел отличиться, и с ходу кинулся на гиганта. Вон они лежат, Энкале и весь его десяток, мы и моргнуть не успели, — сотник указал на разбросанные возле камня тела.

Пиригон поднял руку, подзывая адъютанта. Несколько фраз — и тот пустился вскачь. Советник и командующий остались на месте, ожидая выполнения распоряжения.

Трубач сыграл отбой и лучники, успевшие подтянуться к месту событий и готовившиеся поразить отчаянно сопротивлявшихся оставшихся разбойников, отступили назад, опустив луки. Гвардейцы, нападающие на главаря разбойников и его телохранителей, также сделали несколько шагов назад.

Гардис, к тому времени получивший несколько небольших ран, отдышавшись, осмотрелся. Рядом, опустив окровавленные мечи, тяжело дышали преданные Ридон и Над. Невдалеке стоял какой-то закованный в черные доспехи гигант, явно не относящийся к его армии, перед которым валялось множество убитых гвардейцев. «Вольной армии» Гардиса больше не существовало. И самому ему, судя по всему, следовало готовиться умереть.

— Сдавайтесь, — закричали из толпы стоявших полукольцом гвардейцев. Гардис, не отвечая, крепче перехватил меч, готовясь к новому нападению. Но гвардейцы, не атакуя, наперебой громко закричали, предлагая сдаться. Крики усиливались. Несколько гвардейцев, подняв мечи, бросились вперед, а когда Гардис сделал шаг им навстречу, раздался предостерегающий крик гиганта. В ужасающем шуме разобрать, о чем он кричал, было невозможно. Гардис уже приготовился к последней схватке, когда внезапно сверху на него и находящиеся рядом Ридона и Нада упала сеть, сковывая движения. Следом за ней с вершины камня, как горох, посыпались гвардейцы, прижимая их к земле. В следующее мгновение потерявшие возможность сопротивляться разбойники были обезоружены и связаны. Скрученный по рукам и ногам, не имеющий возможности пошевелиться Гардис проклинал

все на свете — шум, поднятый гвардейцами, на самом деле лишь заглушал звуки, издаваемые лезущими вверх по камню с другой его стороны их товарищами, а бросок гвардейцев вперед был нужен лишь затем, чтобы разбойники отвлеклись на них. Как он не догадался сразу?

В это же время гигант одним движением своего меча перерубил падающую на него сеть, а устремившаяся вслед за сетью пара гвардейцев тут же осталась лежать под его ногами.

Гардиса и извергающих ругательства братьев уволокли к повозкам.

Гигант стоял на месте. Голубые глаза его спокойно рассматривали приблизившихся, но остававшихся на почтительном расстоянии, советника и командующего. Из-под его шлема выбивались пряди светлых волос.

— Светлое с голубым, — задумчиво проговорил Пиригон, обращаясь к Орагуру, — интересное сочетание, интересно, из какого он народа?

— Есть в нем что-то первозданное, дикое, — ответил Орагур, — однако, какой чудной у него меч! Никогда таких не видел! Интересно, где он такой добыл и из какого он сделан материала? Однозначно, это не бронза!

Они разом сняли шлемы. Орагур оказался довольно молодым человеком, разменявшим недавно два с половиной десятка зим. Правильное бронзовое лицо его указывало на породу, выведенную многими поколениями аристократов, женившихся исключительно только на первых красавицах семей высшего общества. Холодный аналитический склад ума, несмотря на молодость, выдвинул его в число первых лиц государства. Уже две зимы, как престарелый правитель назначил его на высочайшую должность в стране. И, надо признать, ни разу за это время не пожалел о сделанном выборе.

В отличие от него Пиригону было уже более чем полвека, из которых службе в армии он отдал всю свою сознательную жизнь, начав с самых низов, храбростью и умом быстро поднявшись до высших военных чинов лагашской армии, став командующим личной гвардии правителя — десяти тысяч «бессмертных», получив из рук энси грамоту на титул номарха, передаваемый по наследству, и сам ном в придачу. Вот только передавать титул было некому — армию он всю жизнь почитал выше всего, на что никогда бы не согласилась ни одна из дам, желающих прибрать боевого номарха к рукам. Так что ном пришлось передать в управление другому номарху, а Пиригон неотлучно находился при «бессмертных». На первый взгляд — ничем не примечательный трактирщик, толстый, с жидкими волосами и обрюзгшим, как после перепоя, носом. Но стоило взглянуть в его глаза, впечатление было совершенно иное. Маленькие буравчики пронзали насквозь, как будто он видел все то, что скрыто под черепной коробкой собеседника. Взгляд быстрый, живой, схватывающий на лету.

— Бросай меч, — крикнул Пиригон, обращаясь к гиганту.

Тот молча смотрел на них. В его глазах не было страха. Спокойствием и мощью веяло от могучей фигуры. Дыхание было ровным, как будто не было перед этим ожесточенной схватки с гвардейцами.

Пиригон покачал головой.

— Жалко, что он не в моей армии, — сказал он, обращаясь к Орагуру

Орагур усмехнулся и что-то сказал ближайшему всаднику. Тот ускакал, а вскоре к Пиригону и Орагуру примчался невысокий всадник, лихо держащийся в седле. После короткого разговора он так же лихо умчался прочь.

Гвардейцы оживленно переглянулись друг с другом. На многих лицах появились улыбки.

— Сейчас Пирт что-то придумает, — говорили они друг другу.

От гиганта не укрылось движение, прошедшее среди гвардейцев, но в чем дело, понять

он не мог.

— Не сдаешься? Ну, как хочешь, — прокричали ему со стороны гвардейцев. Нападать никто не торопился. Наоборот, гвардейцы даже начали отступать. Легкий шорох за спиной гиганта заставил его оглянуться и посмотреть вверх, ожидая нападения, но там все было спокойно.

Внезапно два всадника галопом устремились прочь от камня на расстоянии четверти полета стрелы с разных его сторон параллельно друг другу. До них было достаточно далеко, и непосредственной угрозы они не представляли. С вершины камня крикнули что-то веселое, раздался смех. Гигант взглянул было туда еще раз, но внезапно что-то с силой рвануло его сзади вперед, и он кубарем покатился по земле, теряя сознание.

6.

Стояла глубокая ночь, когда уцелевшие повозки каравана в сопровождении поредевшей гвардии въезжали в Ларсу. Стража получила специальный приказ пропустить сегодня ночью в город прибывшие войска.

— Не слабо же им досталось, — высказал общую мысль стражников начальник караула. Многие из проезжающих мимо гвардейцев были в смятых шлемах и доспехах, с изрубленными щитами. Немалое их число белело свеженаложенными повязками. И действительно, хотя «бессмертные» численно в несколько раз превосходили «вольную армию», отчаяние последней схватки придавало разбойникам дополнительные силы, и, будь гвардия числом немного менее, а разбойники немного более, еще неизвестно, как бы повернулось дело.

— Кого везете? — спросил начальник караула возницу, когда в воротах появилось несколько телег, накрытых рогожами, под которыми угадывались лежащие тела, в сопровождении полусотни гвардейцев.

— Не твое дело, — бросил ему гвардейский сотник, — твое дело открыть ворота, и закрыть после нас. А излишне любопытный, пусть это будет даже начальник караула, может быстро язык свой во-он там увидеть! — и сотник указал на большой крюк, торчащий из стены, к которому крепили цепи, растягиваемые поперек дороги как дополнительную преграду в ночное время.

— Ты знаешь, с кем говоришь, ты, сын шакала? — воскликнул оскорбленный до глубины души начальник караула, — я — Ур-Лума, начальник городской стражи! Только из уважения к персоне правителя нома, лично просившего меня, сегодня я сам замещаю начальника караула! Меня касается все, что делается в городе и все то, что туда въезжает! А мозги вправить любой гвардейской крысе я смогу, и очень быстро! — с угрозой проговорил он и, пока сотник с перекошенным от ярости лицом пытался что-то ответить, но из перехваченного горла исторгал лишь сдавленное мычание, сдернул рогожу с ближайшей повозки.

В повозке на спине, без всякой подстилки, закрыв глаза, лежал гигантского роста человек, почти без одежды, в одной лишь набедренной повязке. Руки и ноги его были скованы толстыми тяжелыми цепями, настолько длинными, что они были пропущены под повозкой снизу и затем большие кольца, которыми цепи заканчивались, были еще и замкнуты на железном обруче, закрепленном на поясе гиганта. Если бы он каким-нибудь образом попытался бежать, пришлось бы тащить на себе всю повозку вместе с лошастью.

Колеблющийся свет факелов лишь подчеркивал каждую черточку атлетически сложенного тела, хотя и усыпанного многочисленными кровоподтеками и царапинами с запекшейся кровью.

— Сотня, ко мне! Взять эту сволочь! — возглас сотника, которому наконец-то удалось пригасить приступ ярости настолько, чтобы суметь отдать команду, тут же был перекрыт командой начальника городской стражи:

— Стража, сюда!

Из караульного помещения, располагающегося здесь же, у ворот, высыпали стражники в полном вооружении. Во всех городах страны все без исключения недолюбливали заносчивых «бессмертных» и были рады при случае намять им бока. Здесь же явно назревала драка, именно с гвардейцами, и стражники только и ожидали команды пустить кулаки в ход.

— В чем дело, Ур-Лума? Опять что-то не поделил с доблестной гвардией сотника Шар-Карена? — в освещенном проеме ворот появились две фигуры, оказавшиеся Орагуром и Пиригоном. За их спинами выстроились телохранители.

— Все в порядке, господин советник, обычное дело, — склонившись, произнес Ур-Лума.

— Как же, обычное, — засмеялся Пиригон, — в его голосе столько сожаления что мы с вами, советник, явились не вовремя, что я не удивлюсь, если завтра правителю нома доложат о парочке грандиозных драк в городе.

— Пропусти их, Ур-Лума. В конце концов, они выполняют мою просьбу — никого не подпускать к повозкам, — улыбнувшись, произнес советник.

— Его что, в бочке с горы спустили? — с удивлением спросил начальник городской стражи, показывая на повозку, в сопровождении гвардейцев уже двинувшуюся в сумрак слабо освещенных улиц города.

— Вроде того, — засмеялся Орагур, — ты же знаешь этого Пирта, бывшего комедианта, а он мастер на придумки. Когда вот этого, — он кивнул на удаляющуюся повозку, — не смогли взять, удивительно крепким бойцом оказался, Пирт опустил тихонько длинную веревку за его спиной, привязал ее к седлам и подсек его сзади, с обеих сторон погнав коней вперед. Катился, что перекасти-поле. Другой бы на его месте душу отдал, а этот ничего, держится, даром что такой здоровый!

— Все прошли? Закрывай ворота! — скомандовал Ур-Лума после утвердительного кивка Пиригона.

По несколько стражников навалились на распахнутые створки ворот. Те нехотя медленно тронулись навстречу друг другу. Толкающие удвоили усилия, и створки ворот, набрав необходимую инерцию, без задержек пройдя оставшийся полукруг, сомкнулись. Когда два толстых окованных бруса были задвинуты в специальные гнезда, распахнуть ворота стало невозможно, только если выбить ударами тарана, да и то надо было бы крепко постараться для этого даже без сопротивления их защитников.

Затем четверо стражников подбежали к большому деревянному колесу с торчащими ручками и, отпустив стопор и тормозя весом своих тел, дали колесу возможность вращаться.

Оно пришло в движение, начав разматывать толстый канат, намотанный на барабан, являющийся продолжением колеса, и, перекрывая проем ворот, из высокой надстройки над ними по специально устроенным в стене пазам вниз медленно опустилась окованная бронзовыми полосами решетка, служащая дополнительной преградой для врагов.

Если бы нападавшие и смогли каким-нибудь чудесным образом преодолеть ров, прорвать первую преграду — сами ворота, то вторая преграда — решетка — была куда более

сложной для преодоления. И в самом деле, никаким тараном разбить ее нельзя, об нее сломает зубы любая пила. К тому же она не является препятствием для стрел обороняющихся.

И, наконец, стражники, синхронно вращая за ручки два огромных деревянных барабана, навивая на них звенья толстых кованых цепей, уходящих к блокам, закрепленным в проемах сверху башни, подняли снаружи к воротам, закрывая их как дополнительной защитой, дальний конец моста, переброшенного через глубокий ров.

Удовлетворенно хмыкнув, советник повернул коня и, прощально махнув рукой склонившемуся начальнику городской стражи, вместе с командующим «бессмертными» в сопровождении телохранителей направился вслед за ушедшими повозками.

— Рановато советник появился, не правда ли, ребята? — с сожалением произнес Ур-Лума, — лишил вас такого удовольствия — намять бока гвардейским выскочкам.

Находящиеся вокруг стражники рассмеялись.

— Ничего, рога им еще не раз поотшибаем, — произнес один из них, вызвав этим новый взрыв веселья.

— Ну, все! — скомандовал наконец начальник городской стражи, — повеселились — и будет!

Вслед за этим большая часть стражников, пересмеиваясь, скрылась в караульном помещении, остальные поспешили на места согласно караульному расписанию.

Вскоре факелы погасли, и городские стены и караульное помещение закутались в прохладные легкие одежды летней ночи. Лишь крики ночных птиц да тяжелые шаги изредка перекликающейся ночной стражи нарушали наступившую тишину.

7.

Под призрачно-голубым светом, изливаемым на землю огромной луной, все вокруг казалось спокойным и умиротворенным. Легкий ветерок наконец-то принес долгожданную прохладу изнывающей от дневного зноя земле. Ожили и слегка подрагивали желто-бурые в свете дня, иссушенные всепожирающим солнцем, а сейчас сказочно-голубые листья деревьев. Отдавая тепло, удовлетворенно потрескивая, жадно напивались прохладой стены домов. В воздухе с почти неслышным писксом вырисовывали замысловатый рисунок летучие мыши, стремясь до дневной жары успеть собрать и принести в гнезда своим малышам вкусных жучков и букашек.

Даже лошади, и тянущие по узким улицам повозки, и несущие всадников, окружающих эти повозки, повеселели. Если раньше они еле брели, с трудом переставляя ноги, понуриив головы, и никакими силами нельзя было заставить их хоть немного прибавить ход, то теперь они посвежели, пошли быстрее, гривы весело замотались в такт шагам.

Изредка улицу перекрывала натянутая поперек ее цепь, охраняемая постом из нескольких стражников. Это никого не удивляло — обычная ночная предосторожность. После предъявления ночного пропуска цепь опускалась, и группа всадников с повозками продвигалась дальше. Наконец, путь подошел к завершению — они вступили на большую площадь. Впереди, на другой ее стороне, в бледном свете луны отчетливо вырисовывались контуры высокого здания городской ратуши с полукруглой пристройкой в одной из ее сторон. Справа, на другой стороне площади, располагался ярко освещенный, несмотря на поздний час, дворец правителя нома. Еще не все строительные работы в нем были завершены, но уже сейчас было видно, что он будет ярчайшим украшением города.

Кирионис, правитель нома, избравший новой резиденцией Ларсу, уже всю обживал свой новый дворец, и именно сюда и направились Орагур и Пиригон, отдав последние приказания и отделившись от группы всадников, сопровождавших повозки с пленниками. Перед парадным входом во дворец их встретил сам Кирионис, мужчина средних лет с бронзовой кожей, безбородый и безусый, с выщипанными бровями и коротко подстриженными по моде времени прямыми черными волосами.

— Поздравляю, господин советник, — произнес он, обращаясь к советнику, — наконец-то с проклятыми шайками покончено. Ваш гонец с извещением о победе прибыл поздно вечером, и я сразу же отослал депешу правителю. Кстати, его племянник, номарх Сарниус, здесь, вон только отъезжает колесница, на которой он прибыл, — вполголоса добавил он.

— Какого дьявола его принесло? — воскликнул Орагур, услышав это известие, и, взглянув на Пиригона, легко спрыгнул с коня, которого вместе с конем командующего «бессмертных» тут же подхватили и увели вышколенные слуги.

На скривившемся было в презрительной гримасе лице Пиригона моментально появилась сладкая мина, когда из-за спин слуг чей-то голос язвительно произнес:

— Я вижу, что мне не особенно рады. Но я все равно счастлив вас видеть и надеюсь встретить взаимность. Ведь и мне в немалой степени обязаны вы своему успеху. Не правда ли, любезный Пиригон?

Вслед за этим из темноты появился сам обладатель голоса. На его губах играла полупрезрительная улыбка, не скрывающая надменное выражение лица. Жесткий взгляд не сулил ничего хорошего тому, к кому он обращался. Будучи на несколько зим старше Орагура, Сарниус всегда и во всем желал верховодить. Но его нетерпимость, нежелание прислушиваться к чужому мнению довольно быстро расставляло все по своим местам. Будучи недавно направленным во главе отряда солдат на границу во время скоротечной войны с племенами кутиев, появившихся из глубин Персидского нагорья, он, не желая прислушаться к мнению уже воевавших командиров сотен отряда, потерпел несколько чувствительных поражений и потерял много людей. Срочно посланному ему взамен Орагуру с большим трудом удалось восстановить положение и с помощью подоспевшего Пиригона вышвырнуть кутиев за пределы страны.

— Да, да, конечно, — пробормотал Пиригон.

— Мы, естественно, очень рады твоему появлению, — поспешил сгладить возникшую неловкость Орагур, чертыхаясь про себя.

— А по какому случаю пирушка? — он кивнул на освещенные окна, из которых доносились звуки музыки, переводя разговор на другую, более безопасную, тему.

— К жене в гости приехала сестра с племянницей. В честь их появления и устроен званый вечер. Я, правда, к нему руку и не прикладывал. Все гостья распоряжается, — Кирионис вздохнул, — а вот и они!

Орагур, Пиригон и Сарниус в поклоне спрятали усмешки — они давно уже имели честь быть знакомы с сестрой жены правителя нома, довольно едкой длинноносой особой, впрочем, считающей себя одной из законодательниц мод в государстве — даром, что ли, долгое время жила при дворе энси? Если бы при этом она обладала еще и художественным вкусом, было бы полбеды. Но почти полное отсутствие данного дарования вкупе с непомерными амбициями в этой сфере создавало такую смесь, что при виде ее новых «нарядов» приходящие в ужас почтенные матери семейств украдкой шептали молитвы-обереги, хотя и расхваливая вслух ее за «смелые творческие находки». Не восторгаться было

опасно в том смысле, что она, острая на язычок, могла в отместку быстро и легко высмеять любого, надолго превратив его в мишень для всеобщих насмешек.

В дополнение ко всему, каждого встречного-поперечного аристократа мужского пола она сразу же начинала рассматривать в качестве потенциального жениха для своей такой же длинноносой уже вполне созревшей дочери, подбирая ей подходящую партию и не подозревая, что у той давно на примете есть один из гвардейских храбрых офицеров, сын одного из соседских номархов, кстати, отвечающий ей взаимностью, и что все потуги матери в этом направлении ей совершенно не нужны.

И действительно, вместе с хозяйкой дома, женой Кириониса, разодетой в бальное платье, представляющее собой завернутую через одно плечо драгоценную материю, ниспадающую вниз широкими складками, схваченную в поясе узорчатым шнуром, оставляющую второе плечо свободным, в проеме парадного входа появилась сама виновница торжества. Вместо изящной прически, увитой золотыми и серебряными нитями по моде того времени, на голове у нее красовалось нечто бесформенное, напоминающее три шара, поставленные на четвертый, все таких размеров, что в обычную дверь она бы войти не смогла. Причем все шары имели индивидуальную окраску. Длинная тонкая шея закрывалась стоячим воротником, являющимся продолжением чего-то, напоминающего большую ночную рубашку, надетую на каркас в виде бочки — более узко по краям и широко посередине. Украшением этой рубашки являлись беспорядочно нашитые разноцветные заплатки, прихваченные только в верхней своей части и начинающие болтаться в разные стороны при каждом ее шаге. Разумеется, каждая заплатка была украшена каким-нибудь драгоценным камнем. Так как лоскутков материи нашито было множество, то и камней было множество, но и весило все это, судя по всему, изрядно. Из-под рубашки снизу выглядывали желтые туфли на низком каблуке с завитыми колечками, как собачьи хвостики, носами.

Вряд ли такой наряд был бы нормой и где-нибудь в далеких восточных странах, но и здесь, в Лагаше, одевались совершенно иначе, и гостья имела вид безвкусно, но ярко раскрашенной курицы.

— К нам явился попугай — поскорее удирай, — еле слышно прошептал Сарниус.

Орагур и Пиригон с трудом удержались от смеха. Это был тот редчайший случай, когда они были с ним единомышленны.

— Как я вам нравлюсь, советник? — гостья, набрасывая на плечи шаль, украшенную бахромой из беличьих хвостиков, бесцеремонно громогласно обратилась к Орагуру, игнорируя других присутствующих. Он тоже одно время числился в числе потенциальных женихов для дочери в ее списках, но быстро и достаточно вежливо доказал тщетность усилий, направленных в его сторону, сумев сохранить с ней хорошие отношения. Что же касается Сарниуса, то его кандидатура была с негодованием отвергнута всей женской половиной ее родни. Хотя обладал он и титулом, и богатством, но никто не хотел иметь такого склочного родственника.

Несмотря на щедедушность тела, гостья обладала голосом исключительно громким, закаленным в «домашних сражениях», ибо выяснение отношений с мужем — кто в доме главный — не прекращались у нее ни на минуту, и с годами все чаще верх одерживал именно тот, чей голос звучал громче. Что, впрочем, не помешало им иметь пять дочерей, четверо из которых были уже пристроены — выданы замуж, а самая младшая, которой и подбиралась подходящая партия в настоящее время, находилась при ней неотлучно.

— Как всегда, вы великолепны! — ответил советник, склоняясь еще ниже, пряча лицо и

кусая губы, чтобы окончательно не расхохотаться.

— Господа, на правах хозяйки вечера я прошу вас немедленно подняться к нам. Все будут в восторге, тем более в ожидании рассказа о сражении с жестокими разбойниками, — и она, подхватив Орагура и Пиригона под руки, потащила было их за собой.

— Позвольте же нам переодеться! Ну не можем же мы появиться в обществе прямо в доспехах! — с трудом освободил руку Пиригон.

— Мы непременно появимся, как только приведем себя в порядок, — добавил Орагур, — а вы тем временем займите номарха, ему-то не надо переодеваться, — и он легонько подтолкнул Сарниуса вперед.

Подхватив его под руки с обеих сторон, сестры исчезли в освещенных коридорах в направлении, откуда раздавались звуки музыки и доносился веселый смех.

Советник же и командующий в сопровождении Кириониса отправились переодеваться в отведенные им покои.

Через небольшой промежуток времени, переодевшись и вылив на себя приличное количество дорогой душистой розовой воды, они вышли к ожидающему их хозяину дворца.

— Я бы хотел побыстрее узнать, что за птичка попала в нашу сеть и привезена сюда, — произнес Орагур, обращаясь к Кирионису, — и не является ли он шпионом, направленным союзниками кутиев?

Трое разговаривающих сейчас мужчин, как высокие должностные лица, имели доступ ко всей информации. Информация складывалась из сведений, собираемых и обобщаемых специальными чиновниками царства, расспрашивающими проходящих караванщиков, случайных охотников, в общем, любого человека, появившегося из-за границы страны. Поступающая в последнее время информация, касающаяся разбитых несколько зим назад кутиев, была настолько серьезной, что ей была присвоена высшая степень секретности, и о любых сведениях из этих краев правителю докладывали немедленно же по прибытию гонца с ними.

По имеющейся на это время информации, на западе, недалеко от границы Лагаша, снова начали собираться племена кутиев. Только не было сейчас у них прежнего разброда, когда каждое племя двигалось в набег само по себе. Руководили сбором войск и собирали их в одно целое жрецы Черной Змеи. Они не относились к кутиям, были чужими среди них и заняли командное положение, прибегая к колдовству. Про них почти ничего не было известно — откуда они, что из себя представляет их вера. По рассказам, при неподчинении какого-либо племени происходило следующее. Возле стоянки племени внезапно черная туча опускалась на землю, а когда она рассеивалась, на ее месте во множестве оставались чудовищные создания, сразу же нападавшие на людей. Отбиться от них не было возможности, настолько они быстры и сильны. Пошады не было никому, ибо оставшиеся в живых приносились в жертву богу Черной Змеи, символом которого являлась свитая в кольцо черная змея, жалящая свой хвост. Так были уничтожены два племени из числа кутиев, отказавшиеся подчиниться верховной власти пришельцев.

В Лагаше до этого никогда не слышали о вере Черной Змеи, и никогда еще его последователи не вступали на территорию страны. Но пришельцы были наяву, цели их были неясны и представляли определенную угрозу. Исходя из собранной по крупицам информации, основная опасность исходила не от самих племен кутиев, а от колдунов — жрецов Черной Змеи.

— Городской палач дело знает. У него заговорит и немой. Свои деньги он отработывает

исправно. Кстати, он уже должен быть на месте со своими помощниками, — ответил Кирионис, — я распорядился, чтобы разбойников доставили не в тюрьму, а прямо в пыточную, и не замедлили с расспросами.

— Хорошо. Появимся перед светлыми очами твоих гостей, а через некоторое время я прогуляюсь, посмотрю, как идут дела у палача, — распорядился советник, — а вы тем временем будете развлекать присутствующих.

И они направились к парадному залу.

8.

В огромном зале, ярко освещенном множеством свечей под потолком и факелами по стенам, было довольно жарко, несмотря на распахнутые створки окон и раздвинутые портьеры. Дневная жара, несмотря на позднее время, не спешила уходить под натиском ночного ветерка. Присутствующие дамы обмахивались веерами. У двух-трех из них в веера были вставлены стоившие каждое целое состояние несколько перьев мохо, птицы, живущей где-то далеко в горах.

Добывать эти перья чрезвычайно трудно. Многие экспедиции, посылаемые на поиски птицы, бесследно исчезали в дороге, несмотря на свою многочисленность и прекрасное оснащение. Рассказывали, что, даже прибыв на место, нельзя было поручиться, что удастся добыть хотя бы какое-то количество перьев, так как птица мохо чрезвычайно пуглива, живет в узких пещерах, почти не заметных в складках вертикальных каменных стен. Благодаря особому строению сильных лап, имеющих шесть гибких пальцев с острыми длинными когтями, развернутых по три в каждую сторону, она свободно может бегать по скалам даже вниз головой, уходя от опасности. Охотников за ними ожидают камнепады, расщелины и пропасти. И все это в условиях ужасного холода и недостатка воздуха из-за большой высоты. Но добыча хотя бы нескольких птиц оправдывает все понесенные затраты. Перья из их хвоста обладали необъяснимыми свойствами.

Необычные узоры, появляющиеся сами собой на перьях, завораживали, переливались всеми цветами радуги, на них можно было смотреть бесконечно. Узоры перетекали один в другой, постоянно изменялись, притягивая взгляд, и надо было приложить определенное усилие, чтобы оторваться от магического притяжения созерцания смены линий и красок. Неудивительно, что приобрести даже несколько таких перьев было по средствам только самым богатым. И во всем царстве насчитывалось не больше десятка дам, вставивших в свои веера перья птицы мохо.

Больших денег стоили и другие части птицы. Ее использовали знахари в изготовлении лечебных настоев. Считалось, что настой желудка излечивает болезни пищеварения, сушеную мелко измельченную кожу добавляли в приворотное зелье, для лечения сердечных болезней, как присыпку для лечения ран, язв и прочего. Когти же, с легкостью пронзающие даже камень, использовались ворами для вскрытия дверных запоров.

Надо заметить, что все, что касается птицы мохо, было окутано тайной и обросло легендами. Никто не мог доказать, что он добыл хоть какую-то часть птицы. Перья появлялись словно ниоткуда, внезапно всплывая на рынках и тут же уходя за баснословные деньги. Были ли в лекарственных препаратах добавки из фрагментов птицы мохо или нет — кто знает? Люди платили за них большую цену и верили, что есть. Но так ли это было на самом деле? Про когти же разговоров было еще больше. Каждый уважающий себя вор

стремился обладать хотя бы одним из них. Вот только никто из них никогда не хвастал тем, что имеет, даже если у него и был коготь птицы мохо наяву. Проверить это было решительно невозможно. Зато рассказней про удачливые ограбления со вскрытием стен с их помощью было хоть отбавляй.

Стены и потолок зала были богато украшены. Потолок покрыт росписью; по краям его, вдоль стен, шел пояс-орнамент из цветов; далее потолок был разделен на несколько секторов, каждый из которых расписывался на отдельную тематику, взятую из жизни хозяина. Вот идет охота на оленя, рядом — мотивы охоты с ловчими птицами. Дальше — плавание по морям и морские сражения; эпизод победоносной битвы при Аншане в далекой Персии, где еще молодой тогда Кирионис командовал экспедиционным корпусом, посланным в помощь персидскому монарху, изнемогающему в сражениях со вторгшимися ордами аравийцев.

Стены, украшенные многочисленными гобеленами, барельефами с изображениями редких и мифических животных, птиц и рыб, были отделаны ценным мрамором с золотистыми прожилками, привезенным из каменоломен Альниуну.

Вдоль стен зала, обрамляя его по периметру, оставляя большое свободное пространство в центре, располагались скульптурные композиции, доставляемые из разных мест. Некоторые из них были воистину шедеврами и стоили весьма и весьма дорого.

В зале находилось довольно много народа. Сегодня сюда съехались почти все номархи из соседних земель со своими женами, сыновьями и дочерьми. Присутствовал имеющийся в наличии офицерский корпус, не занятый в уже известном нам сражении. Молодежь танцевала в центре зала под звуки музыки, доносившейся сверху, с балкона, где располагался оркестр из полутора десятков музыкантов.

Вдоль одной из стен располагались столы с фруктами и прохладительными напитками, к которым время от времени подбегали разгоряченные танцами молодые люди, быстро проглатывали что-нибудь и вновь уносились в быстром танце.

Те, кто постарше, образовывали «кружки по интересам», кучкуясь на табуретах и скамейках с мягкими подушками для сидений вокруг низких столиков на изогнутых ножках, расставленных вдоль других стен зала. Мужчины обсуждали все, начиная от текущей политики и заканчивая рассказами об охотничьих успехах, собственных и чужих. Дамы в бальных платьях обсуждали туалеты находящихся здесь же модниц, судачили о том, кого женили и выдали замуж, о подаваемых на столы блюдах, перемывали косточки тем, кто здесь присутствовал и кого здесь не было. Тем для разговоров, как всегда, у женщин было во много раз больше, чем у мужчин. И конечно, одной из главных тем был разбор наряда сестры жены номарха. Здесь каждой было на чем отточить собственное красноречие.

Но сегодня и у мужской, и у женской половин в главных была одна общая новость — уничтожение армии разбойников, наводившей ужас долгие годы. Не один из присутствующих в зале пострадал от их набегов — грабились дома, опустошались целые деревни, принадлежащие им. Даже иногда приходилось спасаться, запершись в укрепленной цитадели и ожидая помощи соседей от осаждающих разбойников.

О разгроме разбойничьей армии поздно вечером объявил Кирионис, выйдя в центр зала и остановив музыку.

— Сегодня после полудня в ходе выполнения хитроумного замысла разбойничья армия Гардиса, неуловимая несколько лет, попала в засаду и была полностью уничтожена, — провозгласил он, — сам он в скором времени будет в оковах доставлен сюда и в назидание

другим повешен на площади. Депеша о победе послана правителю.

— Я ничего не знаю больше, — он сразу вынужден был отбиваться от атакующей со всех сторон с вопросами молодежи, к которой быстро присоединилось и старшее поколение, — известно только, что командование гвардейцами поручено было самому начальнику «бессмертных» Пиригону, а общее руководство было у первого советника Орагура. Скоро они будут здесь, и вы из первых рук узнаете все сами.

Весть о прибытии Пиригона и Орагура с быстротой молнии разнеслась по дворцу, и, когда они в сопровождении Кириониса вступили в зал, то сразу же оказались окружены толпой возбужденных людей перебивающих друг друга. Сквозь толпу поближе к ним пробился и стал рядом Сарниус.

— Господа, — зычный голос хозяина дома перекрыл шум, создаваемый гостями, и все затихли.

— Господа, — немного понизив голос, повторил он, — будьте милосердны. Наши гости без обеда и без ужина, только с поля сражения. Позвольте им перекусить, а уже потом нападайте с вопросами. Однако я уверен, что они и сами вам все расскажут. Приглашаю вас, господа, и вас, господин номарх, — он обратился к Орагуру, Пиригону и Сарниусу, — а также всех желающих пройти к столам в соседний зал.

Толпа расступилась, пропуская их вперед. Вслед за ними отправились и все остальные, чтобы не пропустить рассказ о состоявшемся сражении.

Повар Кириониса не зря получал огромное жалование. Сегодня он просто блеснул поварским искусством. Дичь жареная, вареная, вяленая, фаршированная всевозможными овощами являлась украшением столов. С ней соседствовали украшенные зеленью блюда из рыбы. Искусно приготовленные приправы и специи, расставленные по всем столам, благоухали вкуснейшими ароматами. Вазы, наполненные экзотическими фруктами, дополнили убранство. Вокруг застыли слуги с кувшинами превосходного вина из подвалов номарха, готовые наполнять золотые и серебряные кубки гостей.

Орагур, наскоро перекусив и высоко оценив мастерство повара, о чем не преминул сообщить довольному Кирионису, тут же удалился. Еще некоторое время спустя Пиригон, насытившись, начал, наконец, удовлетворять всеобщее любопытство.

— Три луны назад правителю доложили о послании присутствующего здесь номарха Сарниуса.

Сарниус привстал и отвесил гостям полупоклон.

— В нем сообщалось, что он напал на след разбойничьей армии, и что ему известны имена некоторых самых крупных скупщиков награбленного добра.

— Все очень просто, — перебил Сарниус, — однажды на рынке в столице, Урукуге, я узрел перстень, виденный мною ранее на руке одной из дам, украденный позднее разбойниками, уж очень он был примечательный, и сразу же установил слежку за его нынешним владельцем. Отсюда потянулась ниточка, перешедшая, так сказать, в толстую крепкую веревку, — под одобрительные возгласы и смех гостей закончил он.

— Уже через день, — продолжал в наступившей затем тишине Пиригон, на стол энци была положена записка советника Орагура, в которой он изложил хитроумный план, тут же одобренный правителем. В обстановке величайшей секретности план начал приводиться в действие. Сейчас, когда он успешно претворен в жизнь, о нем можно говорить открыто, и вы первые, кто знакомится с ним.

На первом этапе выполнения плана были поочередно схвачены упомянутые в письме

скупщики краденого. С ними не особенно церемонились, и почти все они, быстро поняв, что не только здоровье, но также и самое главное — срок жизни — напрямую связаны с их сговорчивостью, не только начали давать нужные сведения, но и под руководством знающих свое дело надежных людей стали посылать разбойникам нужную нам информацию.

Когда все предварительные приготовления были сделаны, наступило время явиться каравану. Самую большую трудность представляло организовать его внезапное появление у вас в городе. Готовился он по частям в разных местах под видом доставки фуража. Небольшие обозы, груженные сеном, не привлекали ничьего внимания. При их отправке обращалось особое внимание на тягловую силу, она должна была быть самая лучшая. За этим следили особо, называя это прихотью правителя. Порядок выхода обозов был составлен так, чтобы они появились в нужном месте в одно и то же время. При приближении к Ларсе их встречали и сопровождали в заранее намеченное малолюдное место. Таким образом, в одночасье из разрозненных обозов собрался большой караван. Всех людей, сопровождающих обозы, поместили на несколько дней в заранее приготовленное место, из которого они выйдут только сегодня утром. Это сделано в целях безопасности, чтобы не сболтнули ненароком лишнего. Их место заняли подготовленные гвардейцы. А привезенное сено уложили в приготовленные пустые тюки, придали им нужный вид, сверху уложили для маскировки немного вещей и тканей. Никто, ни один человек не должен был даже приблизиться к повозкам, ибо обман мог быть тут же вскрыт. Нам вполне удалось это. А когда продажные скупщики под нашу диктовку сообщили разбойничьему атаману о выходе каравана и гвардейцы заняли определенные места засад, все пошло как по писаному. «Стража» и сами «караванщики» умчались прочь при первом же появлении разбойников, хотя мы и хотели, чтобы наш «богатый караван» не сдался так быстро. Судя по всему, разбойники полностью поверили в свои силу и удачу и не стали их преследовать. А затем они настолько увлеклись грабежом... сена, — съязвил Пиригон, вызвав улыбки у слушателей, — что прозевали наше нападение. Фактически, все было кончено уже в первые же мгновения нашей атаки.

Командующий «бессмертными» после несвойственной ему длинной речи перевел дыхание, краем глаза следя за вбежавшим в зал стражником, на которого никто, кроме него и Сарниуса, не обратил внимания.

Слушатели нестройно зашумели, обмениваясь впечатлениями. Тем временем стражник, добравшись до Кириониса, захлебываясь и глотая слова, начал что-то быстро говорить ему в ухо. Пиригон повернулся к сидевшему рядом Кирионису и увидел сразу побледневшее его лицо.

— Что случилось? — встревожено спросила супруга правителя нома.

— Ничего особенного, дорогая, отвечал он, — все в порядке, просто небольшая неприятность, но вы продолжайте развлекаться с гостями, не обращайтесь внимания, а мы с Пиригоном и Сарниусом покинем вас на некоторое время.

Вслед за эти трое мужчин не спеша направились к выходу из зала, приветливо улыбаясь и раскланиваясь со знакомыми, но, как только двери зала закрылись за ними и их никто больше не мог видеть, после короткого разговора бегом бросились к выходу.

9.

В то время, как Орагур и Пиригон подвергались «атаке» эксцентричной дамы, повозки с

пленниками в сопровождении гвардейцев подъехали к полукруглой пристройке к ратуше.

Какой же уважающий себя город обойдется без собственной тюрьмы? В Ларсе она также имелась, и, надо сказать, была оборудована, как сказали бы сейчас, «по последнему слову техники». Но располагалась она, естественно, вдали от дома номарха, на другом краю города. Но в подвале полукруглой пристройки к ратуше для удобства управляющего номом, желающего в некоторых случаях иметь первичную информацию особого рода, не сильно отдаляясь от собственного дворца, имелось несколько камер для особо ценных заключенных, а также была оборудована камера для допросов со всеми полагающимися при этом орудиями пыток. Обычно, выбив из заключенных всю интересующую номарха информацию, их затем перевозили в городскую тюрьму для дальнейшей «работы» по детализовке данных ими же сведений.

Чтобы спуститься в подвал, надо было сначала подняться на второй этаж пристройки, пройти уже там через караульное помещение с двумя десятками стражников, далее спуститься на первый этаж и, пройдя через несколько комнат, отведенных для чиновников, занимающихся вопросами охраны и сыска, по широкой винтовой лестнице спуститься в подвал. В подвале было три яруса. В верхнем находились склады вооружения, помещения для некоторых нужных припасов. В среднем располагались камеры для содержания заключенных.

В нижнем ярусе небольшой коридор заканчивался обширной камерой, оборудованной для пыток. Перегородок в ней не было, поэтому потолок был укреплен несколькими колоннами.

Сюда и доставили захваченных разбойников. Гардиса, Ридона и Нада, пытавшихся сопротивляться, избили древками копий и, покалывая кончиками кинжалов, заставили самих спуститься в подвал, где по указанию подручного палача сковывающие их цепи замкнули на замки на специально вмонтированные в стену кольца, растянув руки в стороны. А чтобы лишнее не говорили, рты им заткнули кожаными шариками, прикрепленными к веревкам и завязанными вокруг головы, так что они могли только мычать.

Поверженного, до сих пор не пришедшего в себя светловолосого незнакомца-гиганта приволокли сюда же и так же примкнули к кольцам. Он повис на цепях, как тряпка, свесив голову. Лишь натяжение цепей не давало ему упасть.

Взятое разбойников вооружение свалили в углу у входа.

Тут же появились остальные трое подручных палача, в обязанностях которых было подготовить заключенных к пытке, поддерживать огонь в жаровне, приводить в чувство потерявших под пытками сознание и так далее — круг выполняемой ими работы заканчивался уборкой после пыток. Женщины сюда не допускались и могли находиться здесь только в качестве истязуемого, но никак не в качестве уборщицы.

Гвардейцы, притащившие скованных пленников, постарались поскорее улизнуть, ибо никому не хотелось встречаться с главной фигурой готовящегося действия — палачом, и на то были веские причины. Встреча с ним даже на улице не сулила ничего хорошего — или кто-нибудь в доме заболел, или кого-нибудь обворовывали. Одним словом, все в городе знали: встреча с палачом — к несчастью. Родителям непослушных детей достаточно было одного упоминания своим отпрыскам про палача, чтобы привести их в полное повиновение. Он тоже знал про эти людские суеверия, со временем стал нелюдим, выходил из дома исключительно на работу, закрываясь широким плащом с капюшоном, благо жил недалеко от городской тюрьмы. Домашние дела его уже много лет вела одна и та же экономка,

привыкшая к его виду и характеру.

Тяжелый мерный звук приближающихся ко входу шагов как будто подстегнул подручных палача. Они засуетились еще быстрее, сильнее раздувая и без того яркий огонь в камине, подготавливая приспособления для пыток. Вслед за этим низкий злобный рев потряс стены, и в дверях появился сам городской палач.

Уже одно его появление часто приводило к тому, что не требовались никакие пытки — узник сам начинал выкладывать все, что знал. И действительно, палач мало походил на человека. Родом он был то ли из Магриба, то ли из Абиссинии. А, как известно, в этих местах детей часто специально уродуют, чтобы, выросши, они одним своим видом нагоняли страх на врагов. Возможно, и палач был одним из таких уродов.

При взгляде на него казалось, что это — огромная безобразная горилла с перекошенной мордой. Из полуоткрытого рта торчали кривые зубы, над которыми располагался приплюснутый нос с широкими ноздрями. Длинные могучие руки, короткие ноги и темная широкая грудь были покрыты густыми черными волосами. На шишковатой голове волосы росли клочьями, обнажая местами лысый череп. За много лет работы он достиг определенного мастерства в своем деле, и даже гордился этим — мог в два удара бичом снять кожу со всей спины или легко ударом кулака перебить человеку руку или ногу.

Сегодня он был не в духе и раздражался даже по мелочам. Во-первых, сегодня ночью не придется спать, ибо этих четырех висящих на цепях недомерков, один из которых, похоже, уже собирается сдыхать, доставили сильно поздно, а посыльный правителя нома передал его требование приступить к допросам немедленно, не откладывая на завтра. Во-вторых, девица, приведенная днем сутенершей, которой он, как всегда, заплатил немалые деньги и которая певчей птицей заливалась о достоинствах новой девочки, оказалась строптивой. Когда она увидела страшное исчадие перед собой, то со страху сначала онемела, а когда своими лапами он начал срывать с нее одежду, то, не помня себя, длинными ногтями впиалась ему в физиономию и пронзительно закричала. Еще через мгновение ее труп со сломанной шеей отлетел в угол комнаты. Ему же впереди предстоял неприятный разговор с сутенершей по поводу компенсации за девицу, и, кроме этого, глубокие раны на лице, оставленные ногтями перепуганной девицы, горели огнем. И, наконец, в-третьих, эти недоумки, его помощники, опять неправильно закрепили цепи доставленных узников.

Покрыв подручных отборными ругательствами и приказав перевесить цепи сподручнее, чтобы можно было сразу не только прижигать огнем, но и поднять на дыбу, палач переместился к камину, раскладывая на решетке над огнем необходимые приспособления.

«Проклятая шлюха, — злился он про себя, — это же надо, так сильно поцарапать, до сих пор кровь сочится! Надо будет утром показаться лекарю».

Задумавшись, он совершенно перестал следить за своими подручными. И это не замедлило отразиться на дальнейших событиях.

Тем временем его подручные начали по-новому закреплять цепи. Для этого надо было снять замки и, перетянув цепи немного в сторону, замкнуть их на другие кольца. Двое подручных быстро перекрепили цепи разбойничьего атамана и его телохранителей, а после этого взялись за замки на цепях безвольно висящего незнакомца.

Двое других занимались другими необходимыми приготовлениями.

Палач не зря называл подручных недоумками. В наставлениях, вдалбливаемых им в головы и которые они постоянно нарушали, утверждалось: перемыкаются цепи с одного на другое место в следующем порядке: сначала один их конец, только затем второй, и при этом

переносимый конец цепи держат внатяжку не менее чем три человека с целью гасить возможное сопротивление.

Вот и сейчас, спеша побыстрее сделать рутинную работу, двое подручных одновременно сняли замки с обеих концов цепей висящего незнакомца и сделали было шаг в направлении нужных колец. Но этот шаг завершить им не пришлось. Могучий рывок внезапно ожившего незнакомца вырвал цепи у них из рук. В следующее мгновение концы цепей, запущенные резким перекрестным движением рук, со свистом промчавшись в воздухе, проломили им головы, отбросив тела к центру камеры. Еще миг — и обе цепи со страшной силой ударили сверху вниз, вдребезги разнеся небольшой столик и убив оцепенело застывшего за ним еще одного подручного палача. Четвертому подручному, пришедшему в себя и бросившемуся к двери, тяжелый табурет, который незнакомец метнул ему вслед, переломал позвоночник.

События развивались настолько стремительно, что палач, находившийся чуть в стороне от места событий, спиной к ним, обернувшись на грохот цепей, успел взглядом уловить лишь последнюю стадию — полет табуретки, убившей его последнего подручного.

Мгновенно оценив обстановку, выхватив кинжал, палач, рванувшись к внезапно ожившему гиганту, запнулся о тело одного из своих помощников и полетел на пол. Это спасло ему жизнь, так как вслед за этим, сорвав клочок кожи с его головы, по гигантской дуге над ним пронесся конец цепи, пущенный рукой незнакомца. Не встретив на пути препятствие, конец цепи по инерции обвился вокруг одного из столбов, подпирающих потолок. Получившаяся привязь в какой-то мере обездвижила незнакомца, не позволив ему избежать столкновения с палачом, который, прокатившись по полу и выронив при этом кинжал, врезался в незнакомца и сбил его с ног.

В последующие мгновения в наступившей тишине под взглядами трех прикованных к стене онемевших от неожиданности разбойников происходила ожесточенная схватка на полу. Незнакомец мог действовать лишь одной рукой в то время, как вторая была растянута цепью, обвившейся вокруг злополучного для него, но благоприятного для палача столба. Палач, оказавшись в результате столкновения сверху, одной рукой удерживая свободную руку незнакомца, второй рукой добрался до его горла и начал сдавливать его.

Палач не был трусом. Наоборот, профессия придала ему храбрость особого рода — храбрость на жестокость. Ему было все равно — мужчина или женщина, взрослый или ребенок. Детей же приходилось истязать, чтобы взрослые, глядя на мучения собственных детей, не выдерживали и, чтобы прекратить их мучения, выкладывали все, что знали. Эта тактика всегда приводила к нужному результату, исключений не было, если только ребенок не умирал сразу. К тому же палач практически не знал равных себе по силе. Уже в далеком детстве он колотил ребят значительно старше себя, которые осмеливались насмехаться над его уродством. В зрелом возрасте он мог в одиночку приподнять и перенести в сторону груженный конец повозки, который еле приподнимали четыре человека.

Вот и сейчас палач отнюдь ни пугался начавшейся схватки. Быстро оценив ситуацию, он уже знал, что довольно легко одержит победу, задушив соперника. И ситуация, и баланс сил были на его стороне. Пальцы палача изо всех сил сжимали горло находящегося под ним человека.

И в этот момент его взгляд встретился со взглядом лежащего под ним соперника, и по спине палача внезапно пробежали ледяные мурашки. На лице соперника не было ни капли страха, наоборот, на нем читалась какая-то досада, какая возникает, когда отмахиваются от надоедливой мухи, зная, что в следующее мгновение удар мухобойки прекратит ее

приставания. В голубых глазах не было ни тени сомнения, в них читалась только холодная решительность; казалось, что он и не замечает удушающий захват на своем горле, и это в сложившейся ситуации было удивительнее и страшнее всего.

Когда глаза незнакомца внезапно потемнели от внутреннего напряжения, палач воспринял это как следствие удушения, но грохот рухнувшего столба, сорванного с места нечеловеческим усилием незнакомца и упавшего с частью потолка, указал на его заблуждение. В следующее мгновение чудовищная сила приподняла тело палача, и когда он, с удивлением почувствовав это, то вдруг, ужаснувшись до глубины души, осознал, что он, считавший себя сильным и непобедимым, сейчас не более, чем былинка под ураганным ветром, пичуга в когтях орла или заяц в зубах льва. Однако до конца осознать это он не успел. Душа палача, покинув тело, понеслась к далеким магрибским или абиссинским богам, покинув тело, когда, перевернув палача на живот и оказавшись сверху, незнакомец обхватил его голову обеими руками и резким сильным рывком сломал шею.

Ключи от замков, запирающих цепи, висели на поясе одного из подручных палача, и через короткое время незнакомец, уже без оков, быстро переодевшись в снятые с тела палача штаны и рубаху, пришедшиеся ему почти впору, не обращая внимание на скованных мычащих разбойников, пытающихся делать ему знаки, закинул за спину свой огромный меч, выбранный из груды сваленного оружия.

Ни грохот удара цепи, вдребезги разбившей стол, ни шум падения столба не привлекли ничьего внимания. Звуки закончившейся схватки не донеслись через три этажа до караульного помещения. Вокруг было тихо. Теперь незнакомец наконец-то обратил внимание на разбойников. Подойдя к атаману, он вытащил кляп из его рта.

— Освободи нас, не пожалеешь, — хриплым голосом проговорил Гардис.

Над и Ридон согласно закивали головами.

— Тебе ведь надо прорваться через караулку, а там полно стражников. А четыре меча со всех сторон лучше одного. Кроме этого, кому-то надо прикрыть и твою спину.

— Скажу замри — значит замри, скажу падай — значит падай, скажу умри — значит умри, — выдержав длинную паузу, проговорил незнакомец.

— У нас разве есть выбор? — ответил Гардис.

— Выбор всегда есть, — усмехнулся незнакомец, — вот только у вас он небольшой — болтаться на радость воронам в петле или удобно устроиться на колу.

Замки щелкнули, освобождая от оков руки атамана. Вслед за этим незнакомец бросил ему связку ключей. Но только ключи перешли в руки Гардиса и он начал было открывать замки на ногах, как незнакомец, словно тисками сжав его плечо, сделал знак замереть. Сначала в сразу наступившей тишине ничего не было слышно, затем послышались приглушенные закрытой дверью шаги — несколько человек приближались к камере по коридору. Гардис, не успевший снять оковы с ног, начал быстро подбирать ключи к замкам на них, а незнакомец, выхватив меч, метнулся ко входу и замер сбоку от дверного проема.

Двери распахнулись, и со словами: «Заходите, господин советник», в помещение, наклонив голову и глядя в пол, чтобы не встретиться взглядом с палачом, сделал шаг один из стражников. И сразу же рухнул на пол, сраженный огромным мечом. Вслед за этим, держа меч наготове, незнакомец вылетел в коридор. Все дальнейшее произошло так стремительно, что никто из бывших в коридоре людей и не успел оказать серьезного сопротивления. Первый, в белой парадной, расписанной золотом одежде, получив удар кулаком в голову, без сознания рухнул у входа. Из двоих стражников, находившихся немного позади, один был убит

сразу же. Второй, отпрянув в сторону, выхватил меч и попытался воспользоваться им, но незнакомец, легко отразив неподготовленный удар, вонзил клинок в его горло. Третий стражник, замешкавшийся в десятке шагов позади у полуоткрытой двери, перекрывающей выход из коридора на лестницу, придя в себя, метнулся назад к двери, проскочил в полуоткрытый проем и отпрянул за косяк, избежав этим смертельного удара, ибо в следующее мгновение кинжал одного из убитых стражников, пролетев через дверной проем рядом с косяком, до половины вонзился в лестничные доски. Вслед за этим дверь закрылась и из-за нее послышались вопли чудом уцелевшего стражника, убегающего вверх, прыгающего через четыре, а то и через пять ступенек сразу.

Забегая вперед, отметим, что спустя несколько дней этот стражник, будучи невысоким и довольно хлипкого телосложения, попытался воспроизвести свое бегство, но как не старался, не смог перепрыгнуть более 2-3-х высоких ступенек сразу, а на подъем даже таким образом на три спасительных яруса у него просто не хватило сил.

Однако в этот раз страх придал ему нечеловеческие силы. Он мчался, не помня себя, пока не ворвался в караульное помещение, где на глазах изумленных стражников начал баррикадировать дверь, из которой только что выскочил, всем, что попадет под руку, что-то при этом неразборчиво вопя. После вылитого на него ведра воды он, наконец, заговорил членообразно и стражники, кое-что поняв из его сбивчивого рассказа, вооружившись, перекрыли выход на нижние ярусы и тут же отправили гонца с сообщением о случившемся в расположенный рядом дворец номарха. Среди них не было закаленных в боях ветеранов, это была всего лишь дежурная смена, занимающаяся сопровождением пойманных разбойников от тюрьмы до ратуши и наоборот на случай, если вдруг кто-нибудь попытается отбить перевозимого узника. За недлинную историю города такого случая еще не было, и боевого опыта у присутствующих в караулке стражников не было никакого. Тем более, что все руководство в связи с известными обстоятельствами сегодня дежурило у городских ворот.

Догнать стремительно улепетывающего стражника уже не представлялось возможным. Незнакомец, втащив бесчувственное тело в расписной одежде в камеру, в которой снятие цепей разбойниками шло полным ходом, бросил его на пол, схватил стоявший у стены кувшин и начал жадно пить находившуюся в нем воду. Остаток воды он выплеснул на лицо лежащего раздетого франта, который, приходя в себя, зашевелился и попытался сесть, подпирая спиной стену. Постепенно взгляд франта принял осмысленное выражение.

Тем временем Над и Ридон, уже вооруженные, вопросительно переводили взгляд со своего атамана на незнакомца. Гардис же, в свою очередь, помня о недавнем предупреждении незнакомца о будущих взаимоотношениях и о том разгроме, который тот только что учинил в месте их нынешнего нахождения, также молча поглядывал на него.

Раздетый франт, полностью придя в себя, ладонью погладил челюсть, по которой пришелся удар незнакомца, выбивший из него сознание, и сплюнул кровью со слюной. В его глазах, быстро оценивающе пробежавших по окружающему пространству, зажглись веселые искры.

— Ну, и что же ты собираешься делать? — спросил он, обращаясь к незнакомцу, — через три этажа несколько десятков вооруженных стражников, а скоро здесь будет и вся стража города, и не одна, а с гвардейцами.

— А, впрочем, все равно, — после паузы добавил он, — приятно провести время в хорошей компании. Может, познакомимся?

— Вот с этими все ясно, — продолжал он, указывая на разбойников, — это сам атаман

разбойничьей шайки Гардис, это главные его телохранители, Ридон и Над. Или наоборот? Как их мама различает?

Несмотря на трагизм сложившегося положения, эти слова вызвали улыбку у присутствующих, ибо действительно различить их было очень тяжело — оба высокого роста, темноволосые, одинаково не только пострижены, но и одеты. Даже синяки, украсившие их лица после стычки с гвардейцами, и то расположились одинаково. Единственное, что явно бросалось в глаза — один был вооружен кривой саблей, второй прямым коротким мечом.

— А ты — Орагур, первый советник энси, — утвердительно сказал Гардис, — я видел тебя однажды в городе.

— Ну, с нами четырьмя вроде бы все ясно, — произнес советник, еще раз сплевывая в сторону, — а ты кто такой? Про наличие такого бойца в его шайке, — он показал на атамана, — не было сказано ни слова.

— Меня зовут Альрик, — произнес гигант.

В наступившей тишине было слышно, как звенит где-то под потолком неизвестно как попавший сюда комар.

— Альрик? Северянин из мест, которые ты сам называешь Скандинавией? — переспросил Орагур, и после утвердительного кивка головы гиганта горячо заговорил:

— Я видел тебя, когда ты в целости провел в столицу караван из Тутуба, не дав его ограбить по дороге. И обещаю, что во всем разберусь. С ними-то все ясно, — он кивнул на молчащих разбойников, — но ведь ты, судя по всему, ни принимал никакого участия в их набегах. Если сдашься, я гарантирую объективное разбирательство. А жизнь первого советника правителя чего-то стоит. Вам никогда не выбраться отсюда, — добавил он, — и, к тому же, разве можешь ты быть уверен, что при первом же удобном случае они не пустят тебе кровь?

— Вот именно, чего-то стоит, — жестко произнес скандинав, — ты можешь стать героем завтрашнего дня, но есть только одна небольшая разница — мертвым или живым героем. Зависит только от тебя. Ты мне обещаешь справедливый разбор? Я же обещаю хороший удар мечом, если ты не будешь делать то, что я скажу. Мы выйдем отсюда прямо сейчас. И хочешь ты этого или нет, мы составим твою свиту. И помни, — добавил он, — одно неверное движение — и ты ляжешь рядом с ними, — он показал на валяющиеся тела, — а удара в спину я не боюсь, они не самоубийцы. Мало выйти отсюда, надо еще и уйти отсюда. А без меня это не сделать, — закончил он.

— Идите за мной, — это относилось уже к разбойникам.

И, легко подняв советника с пола, скандинав, придерживая сзади за одежду, повел его к выходу.

По безлюдным коридорам и лестницам пристройки быстрым шагом двигалась разношерстная группа людей. Впереди, поглаживая ссадину на подбородке, в новом неожиданном для него качестве пленника в блестящей, расшитой золотом, но местами окровавленной одежде двигался самый низкорослый из них — Орагур, первый советник правителя, подталкиваемый сзади гигантом-скандинавом, удерживающим одной рукой его за одежду, а второй сжимающий тонкий кинжал, острие которого время от времени упиралось в спину советника, не позволяя тому даже мыслить о побеге. За скандинавом, сжимая меч, прислушиваясь к посторонним звукам, старался как можно тише ступать тоже довольно высокий, хотя и уступающий в росте гиганту, Гардис, уже бывший атаман разбойников. Тыл прикрывали тоже бывшие телохранители, Ридон и Над, оба плотного телосложения, роста

почти равного с атаманом.

Случайно оглянувшись и оценив ситуацию с целью поиска выхода, Орагур сразу же понял, что ведомая им группа состоит из неординарных людей, каждый из которых стоит нескольких простых воинов, и что, как это ни печально было признавать, шансы уйти отсюда безнаказанно у этой группы, ведомой к тому же непредсказуемым скандинавом, достаточно велики.

Три яруса подземелья и первый надземный ярус группа преодолела довольно быстро. Небольшая заминка произошла только на втором ярусе перед дверью, ведущей в караульное помещение. Никто из строителей ратуши никогда не предполагал, что придется защищаться от врага, захватившего подземелье, поэтому никаких укрепленных дверей в этой части ратуши не было. Они слетали с петель от первого же мощного пинка скандинава. Дверь же, ведущая в караульное помещение, была завалена сзади несколькими шкапами и тумбочками. Понадобилось несколько сильных ударов, чтобы дверная коробка упала, открыв проход. Но в проходе, занимая всю ширину караульного помещения, оцетинившись остриями копий, в несколько рядов стояли два десятка стражников, готовых к бою.

Скандинав, перебравшись через завал, поставил спереди советника, прижав к его шее кинжал так, чтобы это было видно всем стражникам. Среди них произошло смятение, некоторые подались назад.

— Пропустите нас, или я перережу ему горло, — с угрозой произнес скандинав.

Советника здесь знали все. Знали, какую роль он играет при правителе. Угроза сразу возымела действие. Стражники сначала попятились назад, а затем, толкаясь, толпой устремились к выходу. За ними двинулась и группа, ведомая скандинавом. Мимоходом он сорвал со стены несколько заполненных дорожных сумок, какие обычно берут с собой стражники, отправляясь на службу, и бросил их Ридону и Наду.

— Я не умею питаться воздухом. Может, ты умеешь? — пробормотал скандинав в ответ на удивленный взгляд Гардиса.

На первом этаже, повинаясь инстинкту, скандинав не повел группу к распахнутой двери, куда устремились убегающие стражники, а, проведя ее вглубь помещения, направился к не приметной двери, скрывающейся во тьме одной из многочисленных ниш. Она выходила в длинный слабо освещенный коридор, который вывел группу прямо к привязи, где находились свежие лошади, используемые для подмены лошадей гонцов, проделавших длинный путь, если гонцам предстояло без остановки двигаться дальше.

— Ты почему не пошел за стражниками, а повернул в другую сторону? Откуда ты мог знать, что здесь не ловушка? — несмотря на серьезность складывающегося положения, Орагур не мог не восхититься чутьем скандинава.

— Я бывал во многих местах и вообще кое-что повидал в этом мире, — ответил тот, — в конце концов, все дворцы устроены одинаково — с десятком умелых отчаянных парней можно взять любой из них. Тем более какую-то городскую ратушу.

Через короткое время топот копыт десятка лошадей, внезапно вырвавшихся из боковой арки двора ратуши, растаял в ночи вместе с сидящей на них пятеркой всадников, ветром промчавшейся мимо ошарашенных стражников, ожидавших появления беглецов с совсем другой стороны.

А еще через некоторое время в толпу стражников вбежали Сарниус и Кирионис, вслед за которыми, отдуваясь после непривычно быстрого бега, появился и Пиригон.

— Разбойники освободились, — хрипло выдохнул Кирионис, облизывая пересыхающие от волнения губы, как только они вышли за пределы зала туда, где никто не мог их услышать, — палач с помощниками и часть стражи перебита, советник захвачен и, судя по всему, разбойники попытаются сбежать, прикрываясь им.

Сарниус и Пиригон, пораженные, замерли.

— Но... к-как? К-как им это у-удалось? — заикаясь от волнения, спросил Сарниус.

— Пока ничего не известно. Узнаем на месте.

И быстрым шагом, почти бегом, Кирионис направился в сторону полукруглой пристройки к ратуше. Вслед за ним поспешили и номарх с командующим.

Вокруг пристройки толпилось много стражников. Правитель нома, не задерживаясь и никого не слушая, растолкав их, стремительно пробежал путь вверх и вниз по крутым переходам лестницы и, перешагнув лежащие в коридоре перед входом в камеру пыток тела двоих стражников, остановившись у раскрытой двери, заглянул в нее. Через его плечо, с трудом переводя дыхание, в камеру заглядывали Сарниус и Пиригон.

В середине камеры лежал выломанный опорный столб, вокруг валялись куски упавшего потолка.

В камине у боковой стены ярко горел огонь. На железной решетке, расположенной над ним, в несколько рядов, раскаленные докрасна, располагались иголки, щипцы и пилки всевозможных конфигураций и размеров. Прямо перед камином лицом вверх, с застывшим на нем выражением ужаса и одновременно недоумения, лежал голый городской палач. У противоположной стены среди щепок вдребезги разбитого стола с разбитыми головами валялись тела его трех подручных. У порога внутри камеры лежали еще один подручный и стражник, разрубленный ударом сверху почти до пояса.

На полу в лужах крови валялись цепи, которыми совсем недавно были скованы разбойники.

— Может ли так сделать человек? — вопрос Сарниуса повернул глаза всех присутствующих в его сторону.

— А что здесь особенного? Негодяи проспали и пленников, и свои жизни! — ответил разозленный Кирионис. Как-никак это его подчиненные были повинны в сложившейся ситуации.

— Я не об этом. Посмотрите на палача.

И только теперь и Кирионис, и Пиригон обратили внимание на то, что палач лежит не только лицом вверх, но и спиной! Кто-то с невероятной силой вывернул его голову полностью назад. Известно, что сделать это практически невозможно, тем более, что палач обладал буквально бычьей мощной шеей. И этот кто-то свернул ее, как цыплячью!

— Непостижимо! Но где они?

Только сейчас до правителя нома стал доходить смысл сказанного стражниками, когда он бежал в подвал мимо них.

Кирионис тотчас помчался из подвала к ожидавшим снаружи стражникам. За ним, не понимая до конца причину бега, устремились и остальные.

После краткого опроса столпившихся стражников все стало на свои места.

Привычка Пиригона принимать ответственные решения в самые ответственные минуты боя немедленно мобилизовала его, и дальнейшее происходило уже под его диктовку.

— Сколько ворот в городе? Восемь? — и немедленно по два всадника с собственноручно нацарапанными Кирионисом ночными пропусками были направлены к каждым воротам города.

— Беглецы не нуждаются в пропусках для движения по городу — само присутствие советника является пропуском. Так же их выпустят и через городские ворота. А через какие именно ворота они пошли — мы сейчас и узнаем. Тем более, что вряд ли они шли прямой дорогой, вероятнее всего, кружили где-нибудь по улицам. А гонцы скачут по прямой. Мы выиграем за счет этого кучу времени для преследования и освобождения советника.

Дальнейшие указания командующего «бессмертными» относились уже к гвардейским же сотникам, коим приказывалось немедленно подготовить к выходу пять сотен всадников с запасом провизии на три дня и ожидать дальнейших приказаний.

— У вас, господин правитель нома, я предполагаю, дел хватит и на месте, надо, чтобы никто ничего не заподозрил, тем более, что у вас гости, — это относилось к Кирионису.

— А вы, господин номарх, решайте сами, как вам поступить. Я же лично возглавлю погоню и освобождение советника.

— Я еду с вами, — немедленно произнес Сарниус.

— Ну что ж, тогда прошу немедленно собираться.

И Пиригон и Сарниус отправились переодеваться и вооружаться в отведенные им покои, а Кирионис остался ждать прибытия гонцов с известиями о маршруте беглецов, уводящих советника с собой.

11.

Номарх Сарниус закрыл дверь в свою часть покоев и дернул шнурок, вызывая слуг. С их помощью он быстро переоделся в легкую боевую одежду. На рубашку с длинными рукавами сверху ему надели кольчугу, искусно сплетенную из бронзовых пластин и колец. Сквозь кольца такой кольчуги проходила стрела, но меч она отражала легко. Длинная рубашка навывпуск была перевязана широким украшенным драгоценными камнями поясом, к которому были прикреплены небольшие также украшенные кожаные ножны с кинжалом. Штаны из тонкой ткани заправлены в короткие сапожки. Возможность применения облегченного варианта боевого снаряжения объяснялась несколькими причинами: во-первых, целыми днями стояла жара, и в полном боевом снаряжении можно было буквально свариться живьем; во-вторых, беглецов было всего четверо и у них не было ни луков, ни копий; в-третьих, погоня не должна была продлиться долго — два-три дня от силы; и, наконец, в четвертых, Сарниус не собирался подставлять себя под удар меча — пусть этим занимаются гвардейцы, им за это платят.

Он был уже в полном снаряжении и, отправив слуг проверять готовность лошадей, направился было к двери, как вдруг центральная часть большой комнаты подернулась серой дымкой тумана. Туман на глазах густел и темнел, превращаясь в быстро вращающийся черный вихрь. Внезапно вихрь рассыпался, а на его месте осталась высокая фигура в черном длинном, до пола, балахоне. Черт лица не было видно; под низко надвинутым остроконечном капюшоном угадывалась мрачная черная безликая пустота, в которую невозможно проникнуть взглядом; лишь четыре рубиновых огня попарно горели там, где у обычных людей были глаза. От фигуры веяло холодным мраком бездны.

У номарха мороз прошел по коже, он отступил на шаг и поспешно отвел глаза. И тогда в комнате зазвучал бесстрастный голос пришельца.

— Ты провалил порученное тебе важное дело. Ты не достал амулет Зеленой змеи!

— Я не успел взять его! Проклятые разбойники сбежали из-под самого моего носа!

— Если бы ты не пьянствовал и не занимался развратом в столице, а сразу сделал то, что было поручено, амулет уже был бы в твоих руках. Его легко можно было взять, когда его обладатель был скован по рукам и ногам!

— Я ничем пока вам не обязан! — вспыхнул Сарниус, несмотря на страх, который внушала ему фигура собеседника, — не надо читать мне нравоучения! Я сам знаю, что мне делать!

— Ты, кажется, забыл нашу прошлую встречу. Так я тебе напомню, — голос прищельца звучал по прежнему ровно и бесстрастно.

— Ты, Сарниус, желаешь стать первым лицом в царстве. Ваш престарелый энси не имеет прямых наследников, поэтому новым правителем после его смерти будет тот, на кого он укажет, как на своего преемника. Но этого мало. Надо еще, чтобы эту кандидатуру поддержало собрание номархов. У тебя нет никаких шансов стать новым энси, хотя ты и являешься племянником нынешнего правителя. Ты знаешь это. И главным виновником своих неудач ты считаешь в первую очередь Орагура, который всегда был на шаг впереди тебя. Именно Орагур был назначен хранителем печати, первым советником правителя, а не ты, Сарниус, который считает себя более достойным на эту должность. И это Орагур, как ты считаешь, украл у тебя как крупные победы — ранее над кутиями, сейчас над разбойничьей армией, так и множество мелких. Украл вместе с этим выскочкой Пиригоном. Ты никогда не стеснялся пройти по головам, даже если для этого потребуются пойти на убийство. Что будет с подчиненными тебе солдатами, тебя не интересует. В твоих глазах не только солдаты, но и все вокруг просто расходный материал, средство для достижения твоей цели. Будет их больше убито или меньше — какая разница? Главное, чтобы они делали свое дело — умирали, принося в твою личную копилку все новое золото и, главное, славу. Слава, все ради славы! Ты готов на все ради того, чтобы все говорили только о тебе. Искупаться в лучах славы — еще одна заветная мечта, цель, в стремлении к которой ты не жалел ничто и никого. И неудивительно, что твоя армия понесла ужасающие потери, когда ты гнал ее на врага прямо в лоб по открытому пространству, стремясь к величайшей смелой победе, о которой будут говорить по всей стране. И ты, не получив почет и славу, глубоко затаил обиду и ничем себя не выдал, хотя и тяжело переживал удар по самолюбию. Но в сложившихся условиях ты не можешь ничего сделать, чтобы исправить положение. Остается только ждать и надеяться на случай. И ты, с одной стороны, стараясь любезно разговаривать с Орагуром и Пиригоном, внешне не давая повода усомниться в своей предрасположенности к ним, с другой стороны, готов предать их в любой момент, как это следует из твоих интересов.

Сарниус молча слушал прищельца, со злобой поглядывая в его сторону. Тот же по-прежнему бесстрастно, не повышая голоса, продолжал:

— Из жажды власти ты вступил в переписку с нами, жрецами Черной Змеи, зная, что нашей целью является переустройство всего мира. Все должны подчиняться только нам, и только нам приносить кровавые жертвы. И мы собираем силы для этого. Скоро все персидские царства объединятся под нашими знаменами, но, главное, мы окрепнем настолько, что сможем перебрасывать свои войска туда, где это будет необходимо, не растрчивая на это колоссальную энергию. Осталось совсем немного, и тогда мы неудержимой силой пройдем по земле. Тебе выпала большая честь — находясь одним из наших слуг, ты мог бы стать проводником наших целей на огромной территории, которую мы

отдали бы тебе в безграничное повиновение. Ты должен был лишь вырвать небольшую мешающую занозу — получить амулет и отдать его мне.

— Но почему бы вам колдовством не уничтожить все население этого края? Тогда и амулет легко было бы взять.

— Глупец! — повысил голос пришелец, — уничтожить проще всего! Но кто будет потом воздавать хвалу Черной Змее? Откуда взять потом нам, жрецам, одежду, пищу? Кто будет воздвигать храмы? Кого приносить в жертву? Надо не уничтожать, а добиваться полного подчинения! А для этого нужен страх — только с помощью страха можно покорить страны и народы и затем держать их в кулаке. И в этом должно помочь обладание амулетом. А его владельца колдовством не уничтожить, он защищен силами, скрытыми в амулете

Поэтому мы снабжали тебя информацией о всех перемещениях владельца амулета. Но ты не сумел правильно воспользоваться ею и провалил дело. Что ж, мы не уничтожим тебя в этот раз, как ты этого заслуживаешь, а даем тебе шанс исправиться. Твоя задача остается прежней — найди амулет, и тогда, когда мир будет в покорности лежать у наших ног, исполнятся и твои мечты о власти и славе! И помни — ты всецело в наших руках! Ибо просочись хоть капля информации о наших встречах с тобой, за твою жизнь никто не даст и рваной тряпки!

— Я сделаю все, что в моих силах, — покорно произнес Сарниус, понимая, что он в полной власти собеседника.

Черный мрак снова сгустился над местом, где находился призрачный незнакомец, закружил в вихре и, рассыпавшись, бесследно исчез вместе с ним.

Когда Сарниус появился у входа, там его уже нетерпеливо поджидали Кирионис и Пиригон, придерживающие оседланных лошадей.

— Они ушли через ворота солнечного заката. Задержать без причинения вреда советнику не было ни малейшей возможности. Разбойники стерегли каждое его движение. Пять сотен гвардейцев уже направлены туда, — Пиригон рубил четкими военными фразами.

Дорога до западных ворот не заняла много времени — городские стражники были предупреждены и цепи с улиц на протяжении всего пути сняты.

За воротами уже ждали собравшиеся сотники.

— Каждой сотне придаются следопыты. Идем веером. След держим всегда по центру. Две сотни уступом вперед слева, две справа. Третья по центру. Сигналы — днем дымом, ночью огнем. Двигаемся подковой, выпуклой частью назад. Задача — загнать беглецов в центр подковы с последующим полным окружением. У каждого всадника для скорости передвижения — заводная лошадь. Следить за сигналами. Вперед!

Через несколько мгновений тишину ночного воздуха прорезали слова команд, затем топот сотен конских ног начал быстро удаляться от стен города.

12.

Уже пятый раз лучезарное око верховного божества Нин-Нгирсу завершало свой небесный путь с той поры, как беглецы, прикрываясь советником Орагуром, совершили побег из камеры пыток. Поначалу все шло неплохо. Вид советника с приставленным к его горлу кинжалом действовал безотказно, моментально открывая перед беглецами запоры и ворота. Стражники не осмеливались оказывать сопротивление, боясь причинить ему вред. Беглецы, связав руки советнику и привязав его к седлу, выехав за пределы города,

направились в западном направлении. Скандинав рассчитывал запутать следы и повернуть затем на север, к Вавилону.

— Я не убиваю пленников, — ответил он Орагуру на вопрос, какая судьба ждет его после того, как разбойники окажутся в безопасности, — ты пробудешь с нами до тех пор, пока мы окончательно не оторвемся от погони.

Но оторваться от преследователей не получилось. Более того, преследователям удалось заставить беглецов направляться на юго-запад, ближе к Уру и границам Персидских царств. Уже третий день беглецы видели дымные сигналы преследователей не только сзади, но и ответные по сторонам, справа и слева. Складывалось впечатление, что они находятся в центре облавной охоты, охватившей их по сторонам и стремившейся сомкнуть окружение. Двигаться можно было только вперед. Уже в предусмотрительно захваченных при побеге сумках стражников практически не осталось продовольствия. Воды не было вообще. Четверо беглецов из пяти были тяжелой ношей для лошадей, к тому же первые два дня их не жалели, гнали вовсю, стремясь оторваться от погони. Из десятка лошадей способных к передвижению осталось только пять.

Теперь уже стало ясно, куда загоняют беглецов загонщики. Обширные болота лежали вдоль границ Лагаша и Персидских царств, питаемые великой рекой Евфрат. По сути, в этих местах это была не река, а сплошная цепь болот, переходящих друг в друга. Еще никому не удалось преодолеть их. Не только сплошные топкие места поджидали неосторожных путников, имевших несчастье попасть сюда, но и многочисленные хищники, обитающие в них. К западу, сразу за ними, начинался Персидский горный массив, заснеженные вершины которого не видны были с восточного края болот, что было ярким свидетельством огромной величины этих топей. Персидский массив располагался уже на землях, подвластных Персидским царствам. Лишь в одном месте, далеко отсюда, во многих днях быстрой скачки на лошади, болота прорезала узкая дорога, проложенная в незапамятные времена. Множество валунов, наваленных друг на друга, составляли ее основу. Сверху дорога была вымощена обтесанными плитами. Судя по всему, строительство велось не одну сотню зим и стоило не одну тысячу жизней. Некоторые участки дороги, провалившись, уже находились ниже уровня болотной воды. Но она все еще была проходима и ею изредка пользовались торговые караваны, на собственный страх и риск отправлявшиеся в Персидские царства.

Беглецов прижимали к болотам. Это был факт, деваться от него было некуда. Уже дважды они пытались пробиться сквозь преследователей, но — удивительное дело — оба раза их встретили выстрелами из луков, не считаясь с тем, что могут попасть и в высокопоставленного пленника.

Практически весь путь пролегал по довольно ровной степи, покрытой невысокой выжженной травой. Только там, где близко к поверхности подходили грунтовые воды, трава была гуще и выше. В дождливый же период степная трава бывала такой высокой, что целиком скрывала всадника на лошади. Сейчас же такие места встречались чрезвычайно редко. Лишь однажды за все пять дней пути, два дня назад, беглецам удалось наполнить имеющиеся емкости водой да напоить измученных непрерывной скачкой лошадей. Пленник теперь, хотя ему и не связывали руки и не привязывали его к седлу, ускакать уже не мог — его лошади просто не хватило бы сил. Становилось все более понятно, что развязка близка.

Беглецы очень мало разговаривали друг с другом, а за этот день и вовсе не перекинулись почти ни словом. Сказывалась усталость. Уже начинало темнеть, лошади шли медленным шагом, когда спереди в высокой траве очередного зеленого оазиса вдруг послышалось

яростное тьяканье шакалов, нападающих на добычу. И, к удивлению беглецов, им вторил голос человека, похоже, отбивающегося от нападения. Всадники, насколько было возможно, ускорили ход лошадей, и вскоре перед ними оказалась большая свора шакалов, рвущих на части павшую лошадь, от которой уже мало что осталось, а у ее останков стоял человек, размахивающий кнутом в одной руке и кинжалом в другой, старающийся криком отогнать шакалов от их добычи. Когда всадники подъехали ближе, шакалы, злобно тьякая, отбежали подальше. А человек обессилено опустился на землю. При ближайшем рассмотрении это оказался юноша, не более 16–17 зим от роду, с мягкими чертами лица и коротко, еще помальчишечьи, стриженными темными волосами. Невысокого роста, на голову ниже герцога, светлокожий. Грязные серые штаны, такая же рубашка и невысокие сапожки составляли весь его наряд.

Из ярко-синих глаз его, не встречающихся в этой местности, где все, как правило, были черноглазы и бронзовокожи, неудержимым потоком понеслись слезы, когда он начал рассказывать, что уже три дня как отстал от торгового каравана, направляющегося в Эбл, столицу Семитской империи, когда лошадь, чего-то испугавшись, понесла его куда-то по степи. Бешеная скачка продолжалась очень долго. Он и понятия не имеет, где находится. Вчера попал в болото, еле из него выбрался. А сегодня лошадь пала, сейчас же появились шакалы. В общем, парень думал, что его жизни пришел крайний срок.

— Как тебя зовут? — спросил скандинав.

— Отец назвал Олионом.

Скандинав задумчиво смотрел на парня.

— Надо бы, конечно, оставить его, — Гардис озвучил то, что витало в воздухе, — еды у нас нет, воды тоже нет, преследователи висят на хвосте. Пусть добирается до них, вреда они ему не причинят.

— Он не дойдет, и вы это понимаете, — впервые за прошедшие дни подал голос Орагур, — у него нет шансов. Если вы бросите его, лучше сразу убейте сами, чем его живого будут пожирать шакалы.

— Садись сзади него, он самый легкий, — скандинав указал на лошадь Орагура.

— А ты, — это относилось уже к советнику, — принимай попутчика, сам напросился на это.

— Подождите, надо вытащить поклажу, — сказал юноша.

Ридон и Над с помощью Гардуса вытянули из-под остатков лошади придавленные ее телом сумки, в которых обнаружили обычные для длительного пути съестные припасы — сухари и вяленое мясо.

Орагур протянул руку и буквально втащил на коня обессиленного юношу.

Едва беглецы отъехали, как сзади раздался пронзительный визг дерущихся за лучший кусок конины шакалов.

Всадники продолжили путь, изредка поглядывая на столбики дыма, время от времени поднимающиеся далеко по сторонам их дороги, но все же пока еще немного позади.

Когда ночная мгла уже начала скрывать окрестности непроницаемой завесой, они двигались уже среди сначала редкого, а затем становившегося все более густым кустарника, указывающего на близость воды. Среди кустарника где-нигде попадались неизвестно как зацепившиеся за жизнь хилые деревца. Почва была еще твердая, но изредка копыта лошадей громко чавкали, погружаясь в мелкие топкие ямки. Вскоре пали еще две лошади, едва не придавив седоков, которые еле успели, спрыгнув, отскочить на безопасное расстояние.

Пришлось перераспределиться на лошадях — Гардис составил пару Орагуру, Ридон Наду, а самый тяжелый из всех скандинав — Олиону.

Ночь окончательно вступила в свои права, когда всадники, перевалив небольшую поросшую кустарником возвышенность, выехали на совершенно открытое пространство. Луна, начинающая путь по ночному небу, пока еще только верхним своим краем поднялась над горизонтом, но уже в этом призрачном свете стала видна ровная поверхность начинающихся болот. Множество огней, внезапно разгораясь и также внезапно потухая, сменяясь на новые, уходили так далеко, насколько доставал взгляд.

— Болотные огни, — пожившись, произнес Ридон, — у нас старики говорили, что это горят души грешников, утонувших в болотах, когда их терзает злой дух болот Ампара.

Жаркий ветер, дувший все время в спину, поменял направление, и в лицо беглецов повеяло влажным воздухом с тяжелым болотным запахом гниющих водорослей. Где-то закричала болотная ночная птица. В стороне слышалось хрюканье проламывающихся сквозь заросли кустов непуганых диких секачей и повизгивание поросят, двое из которых выскочили прямо на остановившихся людей и были тотчас же убиты.

Беглецы расположились на сухом месте, свободном от кустов, и впервые за время бегства развели костер. Со всех сторон они были скрыты кустарником, а со спины возвышенностью, так что костер не был виден постороннему взгляду. Вскоре на огне уже поджаривались нанизанные на прутки кусочки свинины. Ветер далеко разносил запах жареного мяса, но это уже не тревожило ни скандинава, ни Гардиса с его телохранителями. Тем более не тревожило и Орагура. Ужинали, разбившись, как всегда, на пары. Лишь три миски и три кружки были у беглецов. Один комплект использовали Ридон и Над, другую пару составили скандинав и Гардис. Третий комплект принадлежал Орагуру, который теперь начал делить его с Олионом, над которым с молчаливого одобрения остальных установил негласную опеку. Юноша же устал настолько, что, съев несколько кусочков мяса, тут же уснул, подложив кулак под голову. Гонка на лошадях кончилась. Через болото лошадям было не перейти. Впрочем, как и людям. У людей, располагающихся у костра, выбора почти не было — или сдаться преследователям и быть повешенными на площади, или погибнуть при попытке перейти проклятое болото. Третьего не дано.

— Неужели ты потащишь в болото и мальчишку? — нарушил молчание Орагур, обращаясь к скандинаву.

— И тебя тоже, — тот подбросил в костер охапку сухих веток кустарника. Огонь, словно обрадовавшись, ярко вспыхнув, принялся с жадностью пожирать добычу, осветив неровным светом располагающихся вокруг него людей. Кроме мальчишки, никто, несмотря на усталость, не спал..

— И тебя тоже, — повторил скандинав, поудобнее устраиваясь у огня, — если ты хочешь жить. Смотри, дважды мы пытались выбраться. Ты был виден как на ладони. Скажи, почему стрелы летели только в твою сторону?

— Это ошибка. Они не стреляли в меня.

— Здесь нет никакой ошибки. И ты это понимаешь. Что-то изменилось там, у преследователей, за последние два дня настолько, что именно ты стал главной мишенью. Тебе, как и нам, нельзя туда. Сейчас там твои враги, или тот, кому ты здорово мешаешь. Подумай. У тебя есть время до утра. Мальчишку же убьют как нежелательного свидетеля. Возьми, тебе это пригодится.

В землю у ног Орагура вонзился длинный кинжал. Гардис, Ридон и Над, не вмешиваясь,

слушали потрескивание веток в огне. Именно Ридон первым заметил неладное в стане преследователей два дня назад. Когда они внезапно наскочили на группу преследовавших гвардейцев, Ридон уже попрощался с жизнью, ибо он был на расстоянии гарантированного поражения из луков, но стрелы всех без исключения гвардейцев полетели правее за его спину, туда, где в это время находился Орагур. До него было значительно дальше, и стрелы не попали в цель, лишь слегка поцарапали ему кожу на щеке и плече. Это же повторилось в следующей стычке с преследователями. На сей раз это заметили также и скандинав с Гардисом.

— Скажи, на той стороне нет твоих врагов? — спросил Гардис, не отрывая взгляд от пляшущих языков пламени.

— Я не знаю. Понятия не имею.

— Твоя должность и занимаемое тобой место уже предполагают наличие кучи завистников, — продолжал Гардис.

— Кстати, — он повернул голову к скандинаву, — а ты хотя бы знаешь, кого тащишь за собой в болотное пекло?

— Разодетого франта, который попался мне под руку в горячее время, — фыркнул тот.

— Э-э, нет! Перед тобой — его величество будущий энси могучего Лагаша. Ты не смотри, что он сейчас в грязи лежит. Насколько мне известно, лагашский правитель бездетен, и именно его прочит на свое место.

— Ты-то откуда знаешь? — приподнялся Орагур, — сорока на хвосте принесла?

— Не скажи, горсть золота, опущенная в нужный момент в нужный карман, открывает все тайны. А я, хвала Нин-Нгирсу, таких горстей раздал немало.

— Энси Лагаша, говоришь? Тогда почетный эскорт с луками, готовый пустить их в ход, нам обеспечен. И этим эскортом командует кто-то, метящий на твое будущее место. Время покажет. Нин-Нгирсу покровительствует нам — уже три луны стоит жара, болота должны были подсохнуть. Это облегчит переход через них. А теперь спать, — распорядился скандинав.

Его приказы с первого же дня их побега выполнялись без обсуждения, а поблажки он не давал даже будущему энси.

— Гардис на страже первым, затем Над, Ридон и Орагур, — скандинав впервые назвал Орагура среди ночных сторожей, подчеркивая этим, что тот занял свое место среди беглецов, по непонятным пока причинам став такой же мишенью для преследователей, как и они.

— Я на страже последним. Мальчишку не трогать, пусть поспит. Подъем с рассветом. Завтра у всех будет тяжелый день.

Пока каждый готовил себе место ночлега, Гардис раздвинул середину костра, мечом выкопал неглубокую ямку, застелил ее какой-то травой, положил туда остатки мяса, опять же травой закрыл сверху, присыпал горячей землей и нагреб на это место угли.

— Мы так, бывало, с отцом на ночлегах мясо готовили, когда с торговцами ходили, — пояснил он в ответ на вопросительные взгляды устроившихся вокруг костра беглецов, — жалко, соли маловато, а то бы и за уши вас не оттянуть было бы.

Вскоре только треск горящих ветвей да изредка шаги караульного Гардиса нарушали тишину ночи.

Была полная темнота, когда Орагур разбудил скандинава. Тот, мгновенно перейдя от сна к бодрствованию, схватился за оружие. Ветер стих, и костер горел небольшим спокойным пламенем. Орагур сделал скандинаву знак следовать за собой. Через несколько шагов они вышли на край болот. Орагур вытянул руку, указывая вдаль. По направлению руки далеко впереди, на линии горизонта, среди неярких болотных огней мерцала далекая яркая звездочка горящего костра.

— Там есть люди. Но это также означает, что болота проходимы.

— Преследователи не могли попасть туда, — заключил скандинав, — значит, это кто-то другой. Скоро узнаем. Направление завтра будем держать на этот огонь. Ложись, я уже выспался.

Орагур лег на нарезанные загодя ветки и тут же крепко уснул.

Разбудила его жесткая ладонь скандинава, зажавшая Орагуру рот, не дававшая произнести ни слова. Советник попытался вскочить на ноги, но тот придавил его к земле. В еле проступившей серости утра еще ничего толком нельзя было рассмотреть. Скандинав был без рубашки, которая, заполненная ветками и имеющая форму человека, располагалась прямо у догорающего костра. Приглядевшись, Орагур с удивлением обнаружил, что и другие его спутники, кроме юноши, лежа на земле, так же быстро делали чучела из своих курток. Скандинав молча потянул расшитый камзол с его плеч.

Когда все «тела» заняли свои места у костра, скандинав отполз в сторону, сделав знак советнику следовать за собой. Отползли они недалеко, так, чтобы хорошо видеть костер с лежавшими рядом с ним «телами», и залегли, скрывшись под нависшими ветками. В неровном свете костра иллюзия фигур уснувших людей была полной. Даже фигура сторожа сидела, свесив уснувшую голову.

Скандинав, оставив замаскированного советника, отполз немного в сторону — и исчез. Орагур, сжимая кинжал, в который уже раз удивился его умению сливаться с местностью — ни одна веточка не хрустнула, ни одна травинка не шевельнулась.

Тишина все более сереющего утра ничем не нарушалась, лишь изредка вскрикивали болотные птицы. Вдруг ее нарушил легкий шум, раздавшийся из противоположных кустов, который тотчас же стих. А еще через мгновение десятков стрел, вылетев оттуда, пронзил располагающиеся на земле фигуры. Вслед за стрелами из-за кустов с мечами наперевес выбежали гвардейцы, бросившись добивать пронзенных стрелами беглецов. Когда же они, сгрудившись вокруг костра, в недоумении остановились, обнаружив чучела вместо живых людей, из темноты сзади на них обрушился гигантский демон, вооруженный длинным клинком. Первый же удар снес голову одному из гвардейцев и разрубил руку второму. Не давая им передышки, скандинав тут же рубанул мечом снизу вверх — еще двое упали наземь. Оставшиеся в живых гвардейцы, придя в себя, набросились на скандинава, но тут же за их незащищенными спинами возникли еще три вооруженных призрака. Избиение прекратилось быстро — уже через несколько мгновений гвардейцы полегли на месте, только один из них, придерживающий руками внутренности, выпадающие из разрубленного живота, пока еще живой лежал на земле.

Скандинав, вытирая окровавленное лезвие меча, обернулся в сторону Орагура и призывно махнул рукой.

— Смотри, — проговорил он, когда советник появился в свете костра, — вот ответ на твои вопросы, — и указал на чучело, одетое в его расшитый камзол.

Из десятка выпущенных стрел четыре пронзили его в самых смертоносных местах. По

одной-две стрелы достались остальным фигурам.

Орагур, не выпуская из руки кинжал, наклонился к раненому гвардейцу. Тот тяжело дышал, мучения передергивали лицо.

— Я помогу тебе уйти достойно, как воину. Ответь только, кто вам поручил убить меня.

— Сарниус и Шар-Карен, — с трудом произнес тот, корчась от боли, — пятьдесят... золотых... обещали...

Орагур резким движением кинжала, практически без замаха, пронзил его сердце обещанным ударом милосердия, даруя прекращение мучений. Теперь душа воина могла спокойно отправляться к глазам Нин-Нгирсу.

— Он говорил правду, перед смертью не лгут, — произнес скандинав, — но кто такие Сарниус и Шар-Карен?

Вместо ответа Орагур грязно и витиевато выругался. Разбойники с удивлением смотрели на него — за все длинные пять дней пути от него не слышали ни одного бранного слова, а тут вдруг как прорвало.

Скандинав также удивленно взглянул на Орагура, держа на весу свою рубашку, снятую несколько дней назад с палача Ларсы, пробитую насквозь двумя стрелами. За прошедшие с момента побега дни от синяков и ссадин, коими он был усыпан сверху до низу, практически не осталось и следа.

Над и Ридон, уже одетые, отправились добывать шесть длинных крепких палок, без которых нельзя было соваться в болото.

Гардис также обнаружил на своей рубашке четыре сквозных отверстия — стрелы, выпущенные с небольшого расстояния, пронзили ее насквозь.

— Эх, жалко, испортили одежду, — со вздохом произнес он, — может, раздобудешь другую?

Это относилось к Олиону, с интересом рассматривающему атлетического скандинава и не менее рельефно сложенного Гардиса.

Олион подошел поближе к Гардису.

— Это что, твой талисман? — он, указывая на висящую у того на груди змейку, — можно взглянуть?

— Это просто память о вырастившем меня отце, — ответил Гардис, снял безделушку с шеи и протянул ее юноше.

На руку Олиона легла небольшая змейка, сделанная из металла, зеленого цвета и с раздвоенным хвостом. Глаза ее были сделаны из искусно вставленного, проходящего сквозь голову единого кусочка желтоватого прозрачного камня. С высочайшим мастерством была прорисована каждая чешуйка, каждая складочка ее тела.

— Я никогда не видел таких, хотя, как помню себя, ездил, сопровождая отца, с торговыми караванами, он всегда брал меня с собой, — Олион внимательно рассматривал безделушку, — искусная работа, — заключил он.

— Она мне дорога как память, и ничего более.

Олион протянул змейку Гардису, который, повесив ее на грудь, сразу же забыл о ее существовании, как не вспоминал все предыдущие годы.

Одевшись, скандинав с Гардисом и Орагуром отправились осматривать убитых гвардейцев. У каждого из них в кошельках, висящих на поясе, обнаружилось по пять блестящих золотых слитков.

— Золото предателей, — произнес Орагур и, размахнувшись, бросил горсть слитков

далеко в болотную воду.

— Хорошо, что здесь нет ни Ридона, ни Нада. Они бы отшибли тебе руку, — с усмешкой произнес Гардис, — золото есть золото, оно ни в чем не виновато. А вот нам бы, возможно, пригодилось, — с сожалением закончил он.

Советник не удостоил его ответом.

Скандинав осматривал луки и стрелы поверженных гвардейцев, когда Орагур тронул его за плечо.

— Когда выступаем? — спросил он.

— Сейчас, уже достаточно видно, — не задавая встречных вопросов, поняв все по хмурому взгляду советника, ответил тот.

[Купить полную версию книги](#)